

Валерий Пылаев
Юнкеръ

Валерий Пылаев
Горчаков. Юнкер
Серия «Горчаков», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

1967 год. Мир, которым правит магия аристократов. Где рок-н-ролл звучит даже во дворце ее Императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... И откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Валерий Пылаев Горчаков. Юнкер

Глава 1

– Проснулась?

Лена не ответила – во всяком случае, словами. Негромко фыркнула, заерзала, убрала под одеяло умопомрачительную ножку – и отвернулась. Наверняка ей было жарко – солнце уже как следует нагрело крышу прямо над ее крохотной квартиркой, да и ночь выдалась... горячей.

И все-таки госпожа репортер старательно пряталась.

– Проснулась, – утвердительно повторил я, пристраиваясь на край кровати. – Доброе утро.

Из-под одеяла послышалось что-то среднее между ворчанием и... мяуканьем?

– Не понимаю по-кошачьи. – Я улыбнулся и опустил ладонь туда, где под толстой тканью по идее должна была находиться попа. – Потрудитесь объяснить, сударыня.

– Между прочим, я на тебя еще немного сержусь. – Лена высунула из-под одеяла кончик носа. – Вот!

Важное замечание. И, главное, своевременное.

– Лен, ну ты же должна понимать, – вздохнул я. – У меня вообще-то брата убили!

– Да я не про тогда... – Лена вылезла примерно по шею. – А про вчера! Что ты вообще о себе возомнил? Пришел – и думаешь, что я тут же должна скидывать с себя одежду?

И с себя, и с меня. Как она, в общем, и сделала.

– Ну, не то чтобы должна-а-а... – протянул я, забираясь рукой под одеяло. – Будем считать, что мы оба соскучились.

– Ничего не знаю! – Лена смешно дернула ногой и попыталась отползти к стенке. – Ваше сиятельство – негодяй. Соблазнили бедную девушку...

Дальше я слушать не стал – схватил покрепче и одним движением сдернул с бедной девушки одеяло. Та визгнула, безуспешно попыталась прикрыться руками – и вдруг порхнула мне на колени.

– Нет. Бесполезно. – Лена обвила меня руками и мягко ткнулась губами куда-то под ухо. – Кажется, я не могу на тебя сердиться... представляешь?

– Охотно. – Я пристроил ладони на тонкую талию. – Я больше так не буду.

– Что значит – не буду?!

Лена повалила меня на кровать. Я, разумеется, не сопротивлялся. Она уж точно не хуже меня знала, что делать, и если уж решила немного покомандовать... почему нет?

– Ваше сиятельство в плену. – Лена обхватила мои запястья, будто сковывая, и уселась на меня сверху. – И любая попытка к бегству будет расценена...

В общем, утренний кофе пришлось отложить. Домой я так

и не позвонил – ни вчера, ни утром, но особых угрызений совести по этому поводу не испытывал. Миша едва ли сильно расстроится, пропади я вдруг пропадом, а дед с Андреем Георгиевичем наверняка и так прекрасно все знали. Среди полутора десятков плетений, которыми меня обвешали, как новогоднюю елку, просто не могло не оказаться хотя бы одного следящего заклятья.

А скорее, пары-тройки: разобраться с половиной я так и не смог, а какие-то, вероятно, и вовсе не заметил – не хватило ни класса, ни опыта, ни даже грубой силы Дара. Дед работал изящно, маскируя контуры под мой природный фон. Какие-то из них завязывались на исцеление, какие-то – на защиту от высокоуровневой магии... а какие-то должны были сработать только в том случае, если по мне принялись бы палить из винтовок. Не самые надежные – Панцирь, Латы или стандартный Щит сработали бы, пожалуй, лучше.

Но не ходить же по столице упакованным в магическую боевую броню.

Вряд ли после случившегося кто-то всерьез посчитал бы меня трусом, а деда – излишне осторожным. И все же полноценный защитный «обвес» не только вызвал бы слишком много пересудов, но и доставил бы некоторые... скажем так, бытовые неудобства.

Лена без труда стащила с меня рубашку, но на Латы ее бы точно не хватило. И вечер однозначно бы не удался. А защиты мне хватало и так – и новообретенной, и своей соб-

ственной.

Не говоря уже о трех машинах, следовавших за мной везде и всюду. Здоровенную серую «Волгу» с тремя охранниками мне навязал Андрей Георгиевич, не оставив даже шанса на возражения. А две других – неприметные легковушки, покрытые пылью чуть ли не до самой крыши, – заметил уже позже. И почти случайно – рассказывать мне о них, разумеется, никто не собирался.

Приходилось понемногу привыкать. К счастью, положительные моменты тоже имелись...

– Немного утреннего самолюбования? – улыбнулась Лена.

– Не совсем. – Я вздохнул и положил свежий номер «Вечернего Петербурга» на край стола. – Просто думаю, как со всем этим... жить дальше.

Александр Горчаков – герой или преступник?

Я снова загремел на первую полосу – и на этот раз с заголовком впятеро громче любого из предыдущих. Статью я уже читал: дважды вчера вечером и только что, за кофе – освежить в памяти. На этот раз газетчики полоскали меня весь первый разворот... но, надо сказать, делали это с уважением. Пожалуй, даже с нотками восхищения. История юного князя, в один день потерявшего старшего брата и в одиночку раскрывшего целый заговор, трогала чуть ли не до слез. Конечно, мне досталось и за стрельбу, и за драку, и за гонку на чудовищной машине без номеров – но все это выглядело по меньшей мере оправданным.

Под стать статье была и фотография. Четкая, качественная, едва не на половину разворота. Явно Ленина... но не совсем. Откровенной ретуши я так и не разглядел, но что-то подсказывало: вряд ли после всего случившегося я мог сидеть на капоте машины так красиво. Тяжеловесно, вальяжно, пристроив ногу куда-то на радиатор – будто специально позировал. И смотрел не в кадр, а куда-то в сторону, вдаль – да еще и с фирменным усталым прищуром героя американского боевика.

В общем, обласкали... хоть и с оговорками.

– И даже не под твоим авторством. – Я скопился на низ газетного листа и снова прочитал незнакомую фамилию. – Как-то непривычно, что ли...

– Увы. По рангу не положено. – Лена отставила чашку с кофе и указала пальцем в потолок. – Тут с самого верха... велели.

Похоже, кто-то там теперь меня очень любит... Или, что вероятнее, получил вполне конкретные указания.

А столичная публика – официальную версию событий, пусть и слегка «желтоватую». Юный князь Горчаков – герой... хоть и хулиган-беспредельщик. Совсем не юный поверенный Колычев – предатель, решивший рассорить два могущественных дворянских рода, чтобы под шумок прибрать к рукам кое-какие ценные бумаги, а заодно и прикрыть свои темные делишки кровью. Небольшая заварушка на Фонтанке, пять трупов... и вовремя подоспевшие городовые. Собы-

тие громкое, но не такое уж, в сущности, и масштабное.

При детальном рассмотрении версия «Вечернего Петербурга» тут же начинала трещать по швам. Но в целом смотрелась достаточно убедительной – и наверняка устроила если не всех, то многих.

– Какой-то ты мрачный...

Голос Лены прозвучал чуть обиженно. Неудивительно – ночь с красоткой, статья, выставяющая меня чуть ли не спасителем империи, утренний кофе, лето, солнце, пробивающееся сквозь занавески на кухне... Нормальный человек на моем месте просто обязан был излучать довольство и радость.

– Не мрачный. – Я улыбнулся и осторожно отхлебнул из чашки. – Просто задумчивый.

– Угу... Была у меня одна штука интересная. – Лена поболтала босыми ногами. – А теперь даже не знаю, показывать тебе или нет.

– Показывай. – Я пожал плечами. – Если уж и правда твоя штука... такая интересная.

Но, похоже, еще и то ли неприятная, то ли и вовсе опасная. На мгновение Лена явно успела пожалеть, что вообще завела разговор, – но делать было нечего. Поднявшись со стула, она поковырялась где-то в шкафчике для посуды... и положила передо мной фотографию.

Похожую на ту, что попала на первую полосу. Только взятую крупным планом: Настасьиной машины в кадре почти не

осталось – лишь часть крыши за моим плечом. Сам я оказался справа, поместился где-то по плечи и вышел слегка размазанным – чуть-чуть не попал в фокус.

Зато попал Багратион. Похоже, Лена сфотографировала нас сразу после окончания разговора: светлейший князь уже развернулся ко мне спиной, но отойти еще не успел. Он оказался чуть ближе к камере и по странному совпадению чуть ли не копировал мою позу: вполоборота, с опущенными плечами и слегка наклоненной головой почти в профиль.

Багратион был чуть ли не втрое старше меня и уже успел поседеть, но сходства не заметил бы разве что слепой. Природа не наделила меня ни носом с горбинкой, доставшимся светлейшему князю от грузинских предков, ни серебристой щетиной на щеках, но контур лба, линия волос по бокам, на висках, форма губ...

Приехали.

– Кто-нибудь еще видел эту фотографию? – быстро спросил я.

– Я что, похожа на дуру? – Лена нервно усмехнулась. – Нет, конечно. Не знала, надо ли даже тебе показывать...

– Надо, – вздохнул я, складывая снимок пополам. – Негатив уничтожь... и никому ни слова, поняла?

Как же так, мама?..

Нет, конечно, все это вполне могло оказаться игрой света, эффектом кадра, странным совпадением... если бы не объясняло многое из того, что случилось за последние дни. К

примеру – интерес одного из первых чинов империи к самому обычному... мне. Шестнадцать с половиной лет я не демонстрировал выдающегося Дара, не высывался, ограничиваясь стандартным для малолетнего столичного мажора набором прегрешений, – но после той аварии все пошло кувырком. И Багратион тут же появился: наставлял, советовал побережь себя – и в конце концов презентовал визитку.

Решил взять под крыло, чтобы защитить? Действительно нуждается в моей помощи? А может, и то и другое разом?

– Ну и видок у тебя. – Лена нервно хихикнула и втянула голову в плечи. – Ты что, задумал меня убить?

– Тебя?.. – пробормотал я. – Тебя – точно нет. Но ты правда молчи.

– Как рыба об лед! – Лена демонстративно прикрыла рот обеими руками. – Ты сам-то как... в порядке?

– Вроде да. – Я пожал плечами. – Хотя, конечно...

Я старался не подавать виду, но чего уж там – чувствовал именно то, что непременно должен был чувствовать на моем месте человек, вдруг узнавший, что не имеет никакого отношения к собственной семье.

И что брат Миша ему вовсе не брат, а дед – вовсе не дед.

Да с чего я вообще это взял?! Из-за одной фотографии, да еще и не самой четкой? Из-за поведения Багратиона, которое я в любом случае не смог бы объяснить?

Спокойно, Горчаков. Вдох, выдох – и никаких лишних телодвижений. Судьба подкинула очередную загадку. Не

первую, не последнюю и, черт возьми, даже не самую важную из тех, что и так приходилось держать в голове. Даже если моя почтенная маменька лет этак семнадцать назад имела глупость не устоять перед обаянием одного светлейшего князя, это уж точно не повод дергаться.

Да и что я могу сделать? Явиться к Багратиону в кабинет и броситься на шею с криком «Папа!»? Тайно попросить Бельскую сделать какую-нибудь экспертизу? Рассказать деду?.. Нет, уж точно не это. Со старика станется прибить меня на месте. Самое лучшее – просто присмотреться к тому, что будет дальше. И не нервничать. В конце концов, если уж подобная тайна каким-то чудом не вылезла столько лет – с чего бы ей вылезать теперь?

Я изо всех сил успокаивал себя, но вдруг понял, что при этом пытаюсь хотя бы примерно посчитать людей, которые видели нас с Багратионом вместе. А заодно – прикинуть, кто из них мог оказаться достаточно внимательным, любопытным, дотошным... и рискованным, чтобы начать задумываться о чем-то настолько неудобном для верховного жандарма империи.

Да уж... Дела. Если все это не просто совпадение, фамилия семьи и авторитет самого Багратиона не смогут прикрывать меня вечно. И тогда...

– Я, пожалуй, пойду. – Я поднялся из-за стола. – Только не обижайся, ладно?

– Да куда уж тут, – вздохнула Лена. – Я... я понимаю. На-

верное, это непросто.

Еще как. Одевался и шнуровал ботинки я в гробовой тишине. Пробормотал на прощанье что-то приторно-сладкое, попереминался с ноги на ногу в прихожей и, не дождавшись ответа, вышел за дверь. Лена так и не вышла проводить. То ли просто испугалась, то ли почему-то решила, что мне сейчас лучше побыть одному.

Пожалуй, так оно и было – по лестнице я спускался в несколько... смешанных чувствах. Какая-то часть меня упорно отказывалась верить, какая-то выискивала подтверждения – и, разумеется, находила. Третья готова была чуть ли не разреветься прямо здесь, на ступеньках. А четвертая стыдливо... радовалась?

Может быть. Ведь если так – мой отец вовсе не погиб в страшной аварии два года назад, а...

– Ох-ох-ох, паршивцы... Вот я вас!

Выходя из Лениной парадной на улицу, я едва не налетел на невысокого старичка, которому вздумалось покормить голубей во дворе – да еще и в опасной близости от двери. Я уже собрался было вежливо взять дедка за плечи, чтобы на всякий случай отодвинуть подальше...

И замер.

Нет, ничего яркого или запоминающегося в нем не было – ни тогда, ни сейчас. Та же несуразная одежда – пиджак с вытертыми локтями, выдавшие виды брюки и сандалии на босу ногу. То же пенсне – два круглых и блеклых стеклышка на

носу.

И тот же скрипучий голос, услышав который тут же замолкли даже дед с Багратионом.

– Прямо... вот сюда, представляете? – улыбнулся старичок, указывая на испачканный голубиным пометом рукав. – Птицы – чего с них взять? Божьи твари.

Почему-то все это... нет, не то чтобы пугало – но казалось жутковатым. И в первую очередь оттого, что я не засек никаких эманаций Дара. Старикашка с его силищей должен был «фонить» за километр – а я не чувствовал. Вообще ничего.

Ноль, пустышка – и это при том, что мы стояли на расстоянии вытянутой руки!

– Добрый... доброе утро, – пробормотал я.

– Здравствуйте, Александр. – Старичок отошел чуть в сторону – видимо, чтобы мне не пришлось тесниться у двери. – Могу я спросить – не найдется ли у вас минутка-другая для пожилого человека?

Ага... Попробуй тут не найди.

– Разумеется. Сколько угодно, ваше... благородие.

– Никакое я не благородие, и не был никогда. Лишнее это все, юноша, наносное... – задумчиво проговорил старичок – и вдруг, спохватившись, протянул мне руку. – Дроздов, Василий Михайлович! Будем знакомы.

– Будем... – Я осторожно пожал тонкие сухие пальцы. – Очень приятно.

Дроздов... Не самая звучная фамилия. Разумеется, не

редкая – и не факт, что дворянская. Впрочем, по его же собственным словам, Василий Михайлович никогда не носил ни титула, ни чина.

Его речь звучала странно – знакомые с детства фразы почему-то казались непривычными. Он говорил... нет, не с акцентом. Просто как-то иначе. Будто то ли всю жизнь прожил в провинции, то ли вовсе прибыл прямиком из тех времен, когда дед был моим ровесником – или того раньше.

Интересная личность – и непростая. Подобные Василию Михайловичу не разгуливают по дворам без причины. Ни в такое время, ни в любое другое.

– А я вот тут... птичек покормить зашел. – Василий Михайлович указал остатками батона на скамейку у стены. – Присядем, вы ведь не возражаете?.. Ноги у меня уже, знаете ли, не те.

Я послушно проследовал за древним Одаренным. Тот шагал не торопясь, не забывая при этом подманывать голубей белыми крошками. Бестолковые птицы сустились вокруг, хлопали крыльями, галдели, отбирая друг у друга лакомство, и лишь каким-то чудом не загадили нас обоих с головы до ног. Но моего спутника это, похоже, совершенно не смущало. Он раскидал остатки батона и, опустившись на лавку, достал из бездонного кармана еще один.

– Как самочувствие, Александр?

– Не жалуюсь, – проговорил я. – Чем обязан... таким вниманием?

– Любопытство, исключительно любопытство! – Василий Михайлович махнул рукой. – Княгиня Бельская справлялась о вашем здоровье – вот я и решил... провести.

Ольга Михайловна? Целитель, буквально вытащившая меня с того света после аварии... а потом заявившая, что не имеет к моему чудесному спасению почти никакого отношения. Она просила рассказывать ей о любых странностях – но на робкие попытки начать разговор о загадочных изменениях личности отделалась медицинской байкой. Про того самого маркиза, который после сотрясения мозга вдруг вспылал почти противоестественной любовью к гусиному паштету.

– Так вы с ней... коллеги? – осторожно поинтересовался я.

– Коллеги?.. Можно и так сказать, можно и так. – Василий Михайлович заулыбался и снова принялся крошить голубям белый хлеб. – В сущности, мы ведь делаем одну работу. Только кому-то уготовано врачевать тело, а кому-то...

– Душу?

– Верно... Человеческие души, Александр, – кивнул Василий Михайлович. – Если уж возникает подобная необходимость.

– Что ж... – Я убрал ногу подальше от назойливых птиц. – С моей душой все в порядке.

– Вы уверены?

Глаза Василия Михайловича сверкнули за стеклышками пенсне задорными огоньками, и я вдруг понял, что он видит

меня буквально насквозь. Без «просвечивания», без всякой магии способен заглянуть так глубоко, как не смог бы даже матерый менталист уровня Багратиона.

И рассмотреть то, что я тщательно скрывал – даже от себя самого.

– В конце концов, ваша душа, Александр... – задумчиво продолжил Василий Михайлович. – Ваша душа не похожа на остальные. Кто знает, какой путь ей пришлось...

Да твою ж...

– Более чем, сударь, – холодно отозвался я. – Смею вас уверить – душой я настолько же здоров, насколько и телом. Можете передать княгине мои наилучшие...

– Непременно передам. – Василий Михайлович склонил голову. – Прошу – не сердитесь на меня, Александр. У меня и в мыслях не было желать вам дурного. И уж тем более считать душевнобольным... В конце концов, только человеку незаурядному под силу сделать то, что вы сделали... и что еще, вне всяких сомнений, сделаете.

– Приятно слышать, – проворчал я.

– Считаю своим долгом сообщить, что мы будем присматривать за вами, Александр. – Василий Михайлович оторвал и бросил голубям еще кусок батона. – Особенно теперь. Нас всех ждут непростые времена.

– Это предупреждение? – не выдержал я. – Или угроза?

– Это необходимость, Александр. – Василий Михайлович со вздохом поправил пенсне. – Вам достался необычайный

дар. Слишком значительный, чтобы зарывать его в землю или позволить ему погаснуть раньше срока. Так что мне искренне хотелось бы верить, что вы не откажетесь от нашей помощи... если она вам потребуется.

– Будто бы у меня есть выбор.

– Выбор есть всегда, Александр. – Василий Михайлович нахмурился и строго погрозил мне пальцем. – И уж поверьте, от вашего выбора однажды будет зависеть очень многое... Помните об этом.

– Как пожелаете. – Я пожал плечами. – Что-нибудь еще?

– Больше ничего, Александр. – Василий Михайлович мягко улыбнулся. – Не смею вас больше задерживать.

От рукопожатия мы оба воздержались. Я из чистого упрямства, древний Одаренный – судя по всему, из деликатности. Прощаться тоже не стали – беседа явно была неформальной и не требовала соблюдения каких-то особенных приличий. Даже с учетом колоссальной разницы и в возрасте, и в магическом классе, которую я даже не пытался оценить... Видимо, чтобы не расстраиваться.

Так что я просто поднялся, изобразил легкий поклон и направился к припаркованной на другой стороне двора машине. обернулся, только когда уже сел за руль, – и почти не удивился, увидев, что скамейка у залитой утренним солнцем стены опустела. Василий Михайлович исчез, и о его присутствии напоминали только корки батона на асфальте.

А голуби все так же клевали крошки.

Глава 2

Машина свернула на Каменноостровский и покатилась к мосту. Неторопливо, вальяжно рокоча мотором – конечно, не таким, как у Настасьино монстра, но тоже могучим. Какой и полагается «Чайке».

Доставшейся мне от брата. Я ехал на Костиной машине. Той же самой дорогой, что и в тот день, когда он умер у меня на руках. Когда я не успел оказаться рядом, чтобы помочь. Прикрыть Щитом, ударить в ответ... Да хотя бы просто затащить в дом, за крепкие и надежные родные стены. Вместе мы бы справились!

Но Костя остался один – и погиб. А те, кто убил его, – живы и спокойно разгуливают по Питеру. Возможно, где-то совсем рядом. Даже если Багратион и добрался до наемных стрелков, вряд ли они смогли рассказать больше тех, что штурмовали дом Воронцовых. Всего лишь исполнители.

А настоящий враг оставался в тени. Хитрый, могущественный. Грозивший не только моей семье и другим дворянским родам, но и самой империи.

И у меня к нему личные счета.

Тоска и гнев снова шевельнулись где-то внутри, и Костина «Чайка» отозвалась сердитым рычанием. Я сам не заметил, как придавил газ. И полетел по Троицкому мосту, обгоняя неторопливые авто – с заметным превышением. Вряд ли кто-

то стал бы меня ловить – машину наверняка хорошо знал каждый городской в центре города, – но я все-таки с усилием заставил себя сбавить обороты.

Хватит с меня гонок. Да и туда, куда я ехал, лучше явиться с холодной головой. Думать придется много.

Я не стал лезть в карман за визиткой – и так помнил все ее содержимое наизусть, до последней буковки. Хотя и не собирался воспользоваться... в ближайшее время. Но теперь у меня появилась еще одна причина повидаться с верховным жандармом империи – и откладывать визит я не стал.

Как и предупреждать заранее, хотя того от меня требовали и приличия, и банальный здравый смысл. В конце концов, Багратион вовсе не обязан был сидеть у себя в кабинете на набережной Фонтанки, дом шестнадцать, ожидая, пока юный князь Горчаков соизволит почтить его визитом. Но мне почему-то хотелось заявиться без спроса. Не то чтобы застать врасплох – подобное едва ли возможно в принципе, – но хотя бы внести в предстоящую беседу... некий элемент неожиданности.

И надеяться, что непробиваемый действительный тайный советник хоть на мгновение потеряет равновесие – и я смогу увидеть... что-то.

Чужой взгляд я почувствовал даже до того, как припарковал «Чайку» на набережной. Кто-то «прощупывал» меня. Аккуратно, почти незаметно – еще неделю или две назад я бы, скорее всего, и не почувствовал. Но то ли мой Дар еще

усилился, то ли сработала уже намертво вросшая привычка держать ухо востро – я не только ощутил чужое присутствие, но и смог примерно понять, откуда оно исходит.

Вовсе не из здания Третьего отделения, а откуда-то со стороны Летнего сада. Обернувшись, я увидел на Пантелеймоновском мосту – примерно в сотне метров – высокого мужчину в сером плаще. Нет, конечно, там были еще прохожие – но в глаза бросался почему-то именно он.

В отличие от остальных, мужчина никуда не спешил – он вообще не двигался, а просто стоял почти на самой середине моста, сложив руки на перила. Кажется, курил... или просто задумался о чем-то своем, глядя вниз, в мутную воду Фонтанки.

Нет, не он. Слишком расслабленный... и слишком близко. Заметивший меня Одаренный был заметно дальше – раза в полтора-два. Скорее всего, стоял где-то прямо за решеткой Летнего сада, скрываясь среди зелени. Но разглядеть я его, конечно же, не мог. И он то ли понял, что я его засек, то ли просто потерял интерес – чувствовать чужое присутствие я перестал сразу после того, как посмотрел на курильщика на мосту.

– Да чтоб тебя... – вздохнул я.

Стоило быть осторожнее. В конце концов, в последнее время в Петербурге стреляют – и нередко даже в князей... Но не бежать же сейчас туда, к саду, выискивая кого-то, кто вполне мог даже не быть злоумышленником. Есть дела и по-

важнее.

Я захлопнул дверь, обошел «Чайку» и направился к двери. Скучающий на посту снаружи городской не обратил на меня никакого внимания – похоже, на угрозу имперским безопасникам я никак не тянул.

Зато внутри меня ждали. Крепкий мужик в штатском встретил меня взглядом, приподнялся из-за конторки – и тут же уселся обратно.

– Добрый, ваше сиятельство, – сказал он. – Проходите.

– Куда? – не понял я.

– Прямо и направо, кабинет в конце коридора. – Дежурный вытянул руку, показывая путь. – Его светлость ждет.

Ага. Вот тебе и устроил... сюрприз.

Двери – толстые, из темного дерева – выглядели солидно. Крепко, надежно... и чуть ли не одинаково. Не было даже номеров кабинетов и помещений – не говоря уж о должностях и фамилиях. То ли в Третьем отделении особенно рьяно относились к конспирации, то ли все, кому в принципе был открыт вход в святая святых имперских жандармов, и так прекрасно знали, зачем и куда следует идти.

Скорее второе. По пути мне встретились несколько человек – невыразительных, каких-то... средних, в одинаковых серых костюмах. И никто из них не то что не поинтересовался, что здесь забыл семнадцатилетний парень, – даже не посмотрел в мою сторону. Только в самом конце коридора я почувствовал касание чужого Дара: все-таки проверяли. К

Самому вряд ли пускали кого попало – но я оказался в списке избранных.

На мгновение я испытал что-то вроде мандража. Едва ли беседа с Багратионом сулила мне какие-либо неприятности, но что-то подсказывало: после того, как я открою эту дверь, пути обратно – в переносном смысле, конечно же, – уже не будет.

И все же.

Я решительно взялся за ручку и вошел в кабинет.

– Присаживайся, Саша. И подожди пару минут... Не ждал тебя так рано.

Голос я узнал, но самого Багратиона разглядел не сразу, хоть его утопающая в полумраке обитель и не отличалась солидными размерами. Скорее, наоборот – оказалась неожиданно скромной для чина второго класса. Письменный стол – огромный, чуть ли не на половину кабинета, пара кресел для посетителей, узкий диван у стены, полка с документами, сейф и еще одна дверь в углу. Возможно, ведущая в куда более просторные покои: почти наверняка Багратиону порой приходилось засиживаться допоздна – а то и вовсе ночевать на службе.

Неудивительно, что при такой жизни он в свои неполные сорок пять так и не обзавелся семьей, хоть и считался одним из самых завидных столичных женихов. Наследник древнего и богатого рода грузинских князей, потомок героя Смоленской битвы, действительный тайный советник, могуще-

ственный Одаренный, истинный слуга государыни императрицы, блестящий кавалер... пресса разной степени желтизны приписывала Багратиону великое множество романов – и порой весьма сомнительных.

Меня интересовал только один.

Но если Багратион и правда приходился мне отцом, да еще и знал об этом, внешне это не отражалось никак. Он сидел напротив меня в рабочем кресле и что-то писал. Приглаживаться я, понятное дело, не стал, но почему-то сразу понял: документ вполне мог бы и подождать. Видимо, светлейший князь просто решил проучить меня за нарушение субординации.

Пришлось потерпеть – к счастью, недолго. Закончив писать, Багратион сложил бумагу пополам, убрал в ящик стола – и тут же достал оттуда какой-то сверток.

– Ситуация у тебя... скажем так, неоднозначная, – задумчиво проговорил он. – Так что торжественную часть мы, пожалуй, пропустим.

– Что это?

Я с опаской скосился на лежавший прямо передо мной кусок матовой ткани – то ли черной, то ли темно-синей, – сложенный в несколько раз. Сверток не казался большим, но, судя по всему, содержал что-то весьма важное.

– Можешь взять и посмотреть, – улыбнулся Багратион. – Это теперь твое. И оно не кусается... и не взрывается.

Как пожелаете, ваша светлость.

Возражать я не стал – протянул руку, взял загадочный подарок и развернул. Почти наверняка самой значимой частью содержимого была сложенная вдвое бумага с гербовой печатью, но в первую очередь внимание я обратил вовсе не на нее.

А на оружие. Впрочем, кинжал в черных ножнах – на ум тут же пришло слово «кортик» – таковым, скорее всего, не являлся. Слишком уж он был изящный, миниатюрный и богато отделанный – едва ли кто-то стал бы использовать такую красоту для банальной поножовщины. Навершие рукояти – кажется, из слоновой кости – украшал красный с золотом крест, от которого к гарде вытягивалась надпись: «За храбрость». Небольшая лента на ножнах – красная с желтыми полосами по бокам – почти повторяла цвета креста и, похоже, представляла с ним единое целое.

– Орден Святой Анны, – пояснил Багратион. – Четвертой степени. Офицеру выше восьмого класса в подобном случае полагалась бы звезда на шею. Но так как ты не аттестовался даже на четырнадцатый магический... сам понимаешь. Регламент есть регламент.

Ничего себе. Чтобы скрыть волнение, я принялся изучать гербовую бумагу – между прочим, за подписью самой императрицы. Впрочем, ничего нового там уже не было: документ подтверждал, что за проявленную отвагу и верную службу государству князю Александру Петровичу Горчакову – то есть мне – жаловался орден Святой Анны четвертой

степени и аж целых сорок рублей годичной пенсии. Надевать награду полагалось...

– Дальше можешь не читать, – усмехнулся Багратион. – Носить это ты все равно не сможешь... в ближайшее время, во всяком случае.

– Это почему? – проворчал я.

– Твои действия можно назвать условно героическими. – Багратион покачал головой. – И без всяких условностей – противоправными, несоответствующими букве закона... да и попросту опасными. Наградить за такое публично... не представляется возможности.

– Разумно, – вздохнул я. – Остается только порадоваться, что меня за все это вообще не...

– Радоваться рано. – Багратион опустил локти на стол и сцепил руки в замок. – Вынужден сообщить, что государыня, хоть и безмерно ценит то, что ты сделал для страны и всего дворянского сословия, не может оставить без внимания... скажем так, твои методы.

Гонки по трассе и по городу, драка, стрельба в общественном месте... Да, гражданскому – будь он хоть сто раз родовитым аристократом – такое не должно сходить с рук. И, судя по всему, не сойдет.

– Суд чести?.. – осторожно предположил я.

– Нет. Победителей не судят. – Багратион махнул рукой. – Но некоторое общественное порицание тебя ждет. Как и некоторые меры.

– А точнее?

– Как тебе прекрасно известно, имущество семьи, землю и положение в обществе наследует старший сын... или внук, – ответил Багратион. – А второй в линии наследования традиционно поступает на государственную службу. Как правило – военную. И теперь, когда твой брат Константин погиб, его место придется занять Михаилу.

Блеск. Миша в роли наследника и чуть ли не главы рода. И я, кажется, уже успел сообразить, к чему клонит Багратион.

– Разумеется, в обычной ситуации никто не стал бы принуждать тебя. Но сейчас все... несколько иначе. – Багратион потер переносицу. – Завтра ты будешь отчислен из Александровского лицея. По собственному желанию, разумеется. А еще через несколько дней твоему дедушке будет настоятельно рекомендовано определить тебя на службу государству. А именно...

– В кадетский корпус? – догадался я.

– Нет. – Багратион мягко улыбнулся. – По возрасту подходит скорее это, но с твоим Даром... Даже если ты не ищешь неприятностей – они находят тебя сами. И слишком уж велик шанс, что ты просто-напросто кого-то покалечишь.

– Даже так?..

– Весьма вероятно. – Багратион пожал плечами. – Так что ты поступаешь сразу на второй курс во Владимирское пехотное юнкерское училище.

Однако. Я на всякий случай перебрал в памяти известные

мне столичные военные заведения. И не только столичные. И вопрос у меня остался только один.

– Почему не в Павловское? – Я откинулся на спинку кресла. – Или не в Пажеский корпус?..

– В самые престижные? – Багратион хитро улыбнулся. – Не забывай, что твой перевод на военную службу должен выглядеть в некоторой мере наказанием – а никак не поощрением... Но дело, разумеется, не только в этом.

– А в чем?

– Лишнее внимание тебе точно ни к чему, – вздохнул Багратион. – Зачисление во Владимирское будет выглядеть чем-то вроде ссылки. Часть друзей ты, вероятно, потеряешь, но и потенциальных врагов – тоже. До простого пехотного юнкера не будет дела никому. И к тому же училище – неплохая школа. Тебе уж точно не повредит... немного дисциплины.

– Премного благодарен, – съязвил я. – Мне вполне хватает и барона Штольца.

– Он не сможет в одиночку научить тебя всему. – Багратион, как всегда, пропустил шпильку мимо ушей. – В училище действительно сильный личный... то есть преподавательский состав. Павловское куда престижнее, но в последние лет десять туда поступало слишком много юных князей и графов. А Владимирское готовит настоящих боевых офицеров. Не всегда дворянского происхождения – но и это ты при желании обратишь себе на пользу.

– Каким образом?

– Подумай хорошенько. – Багратион прищурился. – Пройдет не так уж много времени – и твои будущие однокашники станут самой серьезной боевой силой в империи. Настоящей военной элитой. И тебя, Саша, свяжут с ними узы, которые порой оказываются крепче кровных.

– Звучит разумно, – кивнул я. – Союзников следует... выращивать с детства.

– Не умничай. – Багратион поморщился и покачал головой. – И не думай, что я собираюсь сделать из тебя серого кардинала империи. Пока что мне просто нужен свой человек во Владимирском. И не только там.

– Почему? – Я тут же наострил уши. – Это что, как-то связано с...

– Пока я могу только догадываться, что с чем связано, Саша, – проворчал Багратион. – Но допускаю любые варианты. И по моим данным, именно во Владимирском училище сейчас зреет то, что может дать весьма дурные всходы. И куда быстрее, чем мне бы хотелось.

– Заговор?.. – Я на всякий случай чуть втянул голову в плечи. – Против короны?

– Не исключено, – отчеканил Багратион чуть ли не по слогам. – И даже это может быть частью событий, в которых тебе, к сожалению, уже пришлось поучаствовать.

– Может, все-таки расскажете? – Я опустил ладони на подлокотники. – Если уж все равно собираетесь меня завербовать?

– Нет, – отрезал Багратион. – В первую очередь, ради твоей же собственной безопасности, Саша. И во вторую – потому, что вербовать я тебя не собираюсь. Не собираюсь зачислять тебя в штат, не собираюсь платить жалование или каким-либо образом связывать с Третьим отделением... Кстати, это наша с тобой последняя встреча – во всяком случае, здесь. Не нужно, чтобы тебя видели у этого здания. Даже случайно.

Важная деталь. И главное – своевременно. Вряд ли светлейший князь обрадовался бы, узнай он, что меня уже «просветили» прямо у дверей на набережной примерно полчаса назад.

Впрочем, говорить я ему ничего не собирался.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, ваша светлость, – проворчал я. – Чего вы хотите? И – уж прошу меня извинить – на каком основании?

– Очень немного, Саша. – Багратион чуть сдвинул брови. – Возможно, я задам тебе кое-какие вопросы... позже. Считай это личной просьбой.

Ага. И никакого жалования.

– Просьба подразумевает возможность отказа. – Мне вдруг стало смешно. – А ваша светлость не из тех, кому отказывают. В конце концов, вы могли бы просто явиться во Владимирское училище лично и...

– Нет, Саша. – Багратион поджал губы. – В том-то и дело, что не мог бы. Подобные заведения... это почти государ-

ство в государстве. И они очень не любят, когда кто-то извне вмешивается в их дела. Особенно если это Третье отделение собственной канцелярии ее величества.

– Военные не любят... жандармов? – усмехнулся я.

– Никто не любит жандармов, Саша. – Багратион устало потер виски кончиками пальцев – похоже, беседа со мной довела его чуть ли не до головной боли. – При всех своих полномочиях я порой связан по рукам и ногам. Думаю, ты это уже заметил... Иначе как один несовершеннолетний князь в конечном итоге смог бы сделать больше, чем целый специальный корпус?

– Премного благодарен, ваше сиятельство. – Я чуть склонил голову. – Склонен думать, что мне просто повезло.

– Не без этого. – Багратион улыбнулся. – И все же в нужном месте и в нужное время оказался... скажем так, нужный человек. Всему столичному дворянству прекрасно известно, что мы не всегда ладим с твоим почтенным дедушкой. И это открывает перед тобой некоторые весьма интересные возможности... Которых нет и не будет ни у меня, ни у любого из моих людей.

Вот оно как. А я-то было подумал, что и правда представляю какую-то особенную ценность сам по себе. А не в качестве потенциального шпиона в доме у своенравного, древнего и могущественного аристократа... того, кто в силу самого происхождения вхож туда, куда для Багратиона дорога закрыта.

Никто не любит жандармов.

– Потрудитесь объясниться, ваша светлость. – Я сложил руки на груди. – То, что вы говорите...

– Недопустимо и оскорбительно? – Багратион криво ухмыльнулся. – Думаешь, я собираюсь заставить тебя докладывать о любых сомнительных действиях твоей семьи и их союзников?

– А разве нет?

– Нет, Саша. Все куда проще... и сложнее одновременно. У меня нет и не может быть подобной задачи. Да и зачем? – Багратион пожал плечами. – Ты явно не из тех, кому понравится плясать под чужую дудку. Причем совершенно неважно – мою, деда или кого-либо еще. Я лишь хочу научить тебя некоторым вещам, самое большое – попросить о чем-то. Но решать ты будешь сам – когда придет время.

И от моего выбора однажды будет зависеть очень многое – кажется, именно так и говорил странный старик-Одаренный, поджидавший меня во дворе у Лены.

– И чему же ваша светлость желает меня научить? – поинтересовался я.

– Скажем так – мыслить в нужном направлении. – Багратион скосился на часы на стене. – Ты торопишься куда-нибудь?

– Нет... Но меня могут искать.

– Это не страшно. – Багратион на мгновение прикрыл глаза, и я почувствовал всплеск его Дара. – Позволь предложить

тебе чаю. Кажется, разговор будет долгим.

– Кофе, – вздохнул я. – Я сегодня не выспался.

Но ночь с Леной того определенно стоила.

Глава 3

– Что ты знаешь о Петре Великом?

Я едва не выронил чашку с кофе. Нет, конечно, разговор и правда должен был свернуть в несколько иное русло, но чтобы вот так, сразу... Багратион умел заставить врасплох – и не без удовольствия этим умением пользовался. Кое-чему меня научили и в лицее, и еще дома – и все равно я сразу же почувствовал себя не то чтобы не экзамене – но уж точно недостаточно... осведомленным.

– Правитель династии Романовых, – кое-как начал я. – Первый император российского государства. Реформатор...

– Общеизвестные факты. – Багратион махнул рукой. – Впрочем, как и те, что я хотел бы от тебя услышать. Расскажи подробнее о реформах, которые касались Одаренных.

– Петр Первый ввел Табель о рангах! – догадался я. – И разделил все дворянство на четырнадцать магических классов.

– Верно. – Багратион удовлетворенно кивнул. – Хоть и не совсем... исчерпывающе. На самом деле Петр Романов, которого совершенно заслуженно именуют Великим, сделал куда больше. И для Одаренных дворян, и для простых людей. Но в первую очередь – для самого государства.

– Не сомневаюсь, – буркнул я. – Но моих скромных знаний, кажется, недостаточно.

– Более чем, – Багратион рассмеялся и откинулся на спинку кресла. – Я не собираюсь заставлять тебя вспомнить весь курс истории. Смысл порой важнее голых фактов.

– Как вам будет угодно. – Я пожал плечами. – Ваша светлость.

– Введя Табель о рангах, Петр Великий не только разделил Одаренных по уровням силы. – Багратион продолжил говорить, не отвлекаясь на мои нелепые уколы. – Он также дал возможность лишенным Дара простолюдинам поступать на государственную службу – и приобретать дворянское положение. Разумеется, пропасть между новоиспеченными аристократами и князьями с родовым Источником не исчезла по сей день... И все же начало было положено.

– Начало чего?

– А как ты думаешь, Саша? – Багратион хитро улыбнулся. – Дам подсказку: Петр Великий также впервые ввел титул графа, который в определенный период считался даже более престижным и желанным, чем княжеский. Не говоря уже о менее известных, но не менее значимых преобразованиях.

Неодаренные дворяне, новый титул, государственная служба для простолюдинов... Разумеется, все это знал не только любой гимназист, но и все ученики церковно-приходских школ – за исключением разве что совсем уж бестолковых. Но задумываться об истинном смысле реформ мне раньше не приходилось.

– Петр Великий создал новую аристократию. – Я посмот-

рел Багратиону прямо в глаза. – Подконтрольную лично ему политическую силу. А заодно и неплохо ущемил права древних родов... Подозреваю, у первого императора было много врагов.

– Ты даже представить себе не можешь – насколько, – усмехнулся Багратион. – К счастью, друзей у него все-таки оказалось больше.

– К счастью? – поморщился я. – Не все бы с вами согласились.

Один дед чего стоит.

– Многие. – Багратион пожал плечами. – Но то, что хорошо для государства, не всегда является благом для рода, целого сословия... или, к примеру, одного отдельно взятого Александра Горчакова.

Старшего? Младшего? Или все-таки – для обоих?

– На тот случай, если тебе все-таки нужны объяснения, – продолжил Багратион. – Старая государственная структура на тот момент уже практически себя изжила. При всем могуществе родовых Источников удельные князья в конечном итоге не смогли бы защитить даже свои земли. Они лишились части вольностей и привилегий, но зато страна получила по-настоящему крепкую центральную власть. И только это помогло России выстоять – и при Петре Великом, и спустя почти сто лет после его смерти.

– Наполеон... – догадался я. – Так?

– Схватываешь на лету. – Багратион довольно закивал. –

Бонапарт был не самым слабым Одаренным, хоть и родился в семье мелкого корсиканского дворянина. Но что куда важнее – он был талантливым полководцем. И даже более талантливым политиком, если уж сумел подчинить чуть ли не две трети тогдашней Европы.

– У него была армия. Солдаты, пушки... кавалерия.

– И почти не было полноценных Одаренных, которых попросту вырезали во время Французской революции. Это знают все. – Багратион отодвинул опустевшую чашку. – Но немногие догадываются, что ту войну железо проиграло во все не магии.

– А чему же тогда? – спросил я.

– Исключительно организации. И отлаженной системе, которую заложил еще Петр Великий. – Багратион легонько ударил по столу ребром ладони. – С империей могла поспорить только империя. И только империя могла выставить силу, способную переломить хребет совершеннейшей на тот момент военной машине.

– И тем не менее, под Смоленском в тысяча восемьсот двенадцатом сражались Одаренные. – Я подался вперед. – И именно они тогда победили.

– Они обеспечили победе изящный эндшпиль. – Багратион покачал головой. – А заодно – подарили потомкам красивую историю про четыре сотни смельчаков. Поверь, Саша, на тот момент Россия располагала куда более серьезной силой. Наполеон проиграл битву, но не будь у нас пехоты и артил-

лерии – войну он бы все равно выиграл... рано или поздно. Отступить его заставил именно общий перевес сил. И именно полноценная армия позволила твоему тезке, императору Александру, установить господство над половиной Европы на несколько десятков лет.

Вот оно как. Очередное «а на самом деле...». Как говорится, век живи – век учись.

– Стоит ли так недооценивать магию? – проговорил я. – Особенно вам. Защищая Смоленск, погиб ваш предок.

– Мой прапрадед. Истинный слуга империи. – В голосе Багратиона послышалась неподдельная гордость. – Непросто быть достойным одной только памяти такого человека. Мой род всегда стоял на страже государства – и тогда, и сейчас.

– Но ваша светлость даже не военный, – заметил я.

– Сейчас мы – куда больше чем военные. – Багратион чуть сдвинул брови. – У страны остаются враги, даже когда молчат пушки. И кое-кого ты уже видел, Саша. Они стреляли тебя, а ты – в них. Этого недостаточно?

В глазах его светлости вдруг мелькнула тоска – настоящая, глубокая. Таковую он едва ли смог бы подделать – даже с его талантами матерого переговорщика и манипулятора.

– Я мог бы носить эполеты армейского генерала. Или вести дела рода, не поступая на службу. Растить наследников или прожигать жизнь на бесконечных приемах в Зимнем. – Багратион откинулся на спинку кресла. – Но, как видишь, выбрал участь презренного жандарма.

– Презренного? – поморщился я. – Ваша светлость не передергивает?

– Отчасти. – Багратион не стал возражать. – Но поверь, в столице найдется немало уважаемых людей, которые всерьез считают меня чуть ли не предателем Одаренных родов.

– Вроде моего деда?

– Нет, – улыбнулся Багратион. – Мы с Александром Константиновичем не всегда сходились во мнениях. Но, к счастью, у него нет и капли недалеких феодальных амбиций, которыми так кичатся некоторые князья. И что бы он сам ни говорил – мы оба служим стране и короне... хоть и каждый по-своему.

Однако. Казалось, я уже понял, к чему планомерно подводит меня его светлость со своей блестящей риторикой, – но Багратион снова свернул куда-то в сторону.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – поинтересовался я. – Не смею спорить – беседа для меня приятна и в высшей степени познавательна, но...

– Теперь ты знаешь чуть больше... если все-таки не знал раньше. – Багратион улыбнулся, устраиваясь в кресле поудобнее. – И о дворянском сословии, и о самом государстве. А значит, сможешь сделать выводы.

– О том, что случилось? – догадался я.

– Верно. Если бы войны родов начинались из-за глупой дуэли двух – ты уж меня прости – недорослей, все дворянское сословие вымерло бы еще до Петра Великого. – Багра-

тион сложил руки на груди. – Когда происходит подобное, всегда следует искать настоящую причину. Конфликт интересов.

Пожалуй. Уж не знаю, что на самом деле задумал дед, но если бы он устроил в Петербурге то, что собирался, – кто-то наверняка извлек бы из всего этого свою выгоду. Колычев... точнее, те силы, которые за ним стояли.

– Кто-то хотел войны, – осторожно начал я, – которая непременно привела бы к ослаблению или даже гибели двух старинных родов. – Это может быть нужно кому-то из новой, петровской аристократии. Владельцам крупных капиталов... В конце концов, сторонникам центральной государственной...

И вот кто тебя за язык тянул, Горчаков?

Я захлопнул рот и с трудом подавил желание на всякий случай еще и зажать его руками – чтобы снова не сболтнуть лишнего. Но Багратиона мои крамольные помыслы, похоже, только повеселили.

– Умение вовремя замолчать порой бесценно, – усмехнулся он. – Еще немного – и ты бы обвинил в смерти брата саму государыню императрицу.

– У меня и в мыслях не было...

– Очень надеюсь... Неважно. – Багратион махнул рукой. – Суть ты в любом случае ухватил верно. Так или иначе, раскол нужно искать именно среди дворян. И спор между древними родами и теми, которым пока нет и трехсот лет, –

самая очевидная причина... Но, к сожалению, не единственная.

– Прошло уже много времени.

– Куда меньше, чем ты думаешь, – вздохнул Багратион. – А старые обиды порой живут гораздо дольше людей. Так что если тебе кажется, что кто-то может иметь зуб на твою семью или на Воронцовых... то тебе не кажется.

– Значит, месть? – Я подался вперед и облокотился на стол. – И все?

– Едва ли. – Багратион покачал головой. – Для банальной вендетты – слишком уж серьезный масштаб. Стоить копать глубже.

Ага. Знать бы только – куда именно и в каком месте. Старые аристократы, новые... и не только они.

– А те Одаренные? – Я вдруг вспомнил разговор, состоявшийся примерно полтора часа назад. – Которых я видел тогда, дома? На чьей они стороне?

Багратион прищурился – и на мгновение мне показалось, что он пробует залезть мне в голову. Но ничего подобного: вместо Дара менталиста в который раз сработал самый обычный опыт.

– Поправь меня, если я ошибусь, – задумчиво проговорил Багратион. – Но, похоже, тебе уже случилось познакомиться лично с уважаемым Василием Михайловичем Дроздовым.

– Да. – Я не стал юлить. – Вы знаете, кто он?

– Скорее нет, чем да. Правда скрыта слишком глубоко, а

озвучивать байки и домыслы было бы попросту невежливо. – Багратион потер подбородок. – Что именно тебя интересует, Саша?

– Судя по положению, он из очень древнего рода, – отозвался я. – И скорее должен был защитить деда... но почему-то не стал.

– Так ты хочешь спросить, на чьей стороне Дроздов? – Багратион вдруг улыбнулся – будто ему внезапно стало очень весело. – Я отвечу: на своей собственной. И уж не знаю, чего старик от тебя хотел, но он точно не враг ни тебе, ни мне... ни уж тем более твоему деду. Одаренные его силы и возраст обычно уже давно утрачивают интерес к делам простых смертных. И редко появляются на людях без особого повода.

Интересно, а я-то... чем заслужил?

– Его возраста? – переспросил я. – Сколько же Дроздову лет?

– Могу только догадываться. – Багратион пожал плечами. – Скажу одно: когда твой дедушка был не старше тебя, Дроздов уже выглядел точно так же, как сейчас.

Мне вдруг стало... нет, не страшно – но как-то неуютно: привычный мир дал трещину, в которую настойчиво полезло немыслимое. неизведанное – и потому скорее опасное, чем просто любопытное. Нет, конечно, я всегда знал, что Одаренные живут дольше простых смертных – даже дедовы почти сто лет среди дворянского сословия едва ли кого-то бы удивили. Но такое?... По всему выходило, что Дроздову стук-

нуло как минимум полтора века. Или даже больше – и тогда наверняка старик застал императора Александра... и даже самого Наполеона Бонапарта. А заодно и накопил за эти годы столько силищи...

Неудивительно, что даже дед предпочитает с ним не спорить.

– А сколько вообще живут Одаренные? – Мой голос неожиданно для меня самого вдруг зазвучал тихо... и даже как-то сдавленно. – Ну... самое долгое?

– Очень надеюсь однажды проверить, – усмехнулся Багратион. – Но пока – даже не могу представить. Старшая когорта умеет хранить секреты... Даже от меня или твоего деда.

– Вот как... – Я на мгновение замялся, но потом все-таки спросил: – Как вы думаете, среди них есть те, кто лично знал Петра Великого?

– Не имею даже малейшего представления, – признался Багратион. – И именно поэтому допускаю любой из возможных вариантов.

Я только молча кивнул – слова закончились. Светлейший князь из Третьего отделения кое-что объяснил мне, показал... небольшую, но все-таки часть истинной картины мира, о которой я раньше даже не задумывался. Приоткрыл если не тайны дворянского общества, то уж точно те вещи, о которых наверняка не принято говорить вслух.

Старая аристократия: князья с родовыми Источниками. Новое, петровское дворянство: графские семьи – или про-

столюдины без Дара, которым посчастливилось получить титул или хотя бы высокий чин – а заодно и обзавестись весомым капиталом. И древние Одаренные, которым плевать и на чин, и на титул, и, похоже, даже на происхождение. Могучие старцы, способные поспорить и с князьями, и с новоиспеченными аристократами. Скрытая третья сила.

А может, есть еще и четвертая? И сколько их на самом деле в мире, который я до шестнадцати с половиной лет считал простым и понятным?

– Что, сложно? – Багратион прищурился и чуть склонил голову на бок. – Не укладывается в голове?

– Вроде того, – вздохнул я. – А ведь я наверняка не знаю и десятой доли того, чего стоило бы знать... по-хорошему.

– Всему свое время. Тебе пока нет даже семнадцати лет. Но затягивать действительно не стоит. – Багратион снова приоткрыл ящик стола и заглянул внутрь. – Уже скоро ты обретешь тот уровень силы Дара, с которым оставаться в стороне от некоторых событий попросту невозможно.

– И вы хотите, чтобы в нужный момент я был за вас?

– За государство. – Багратион сдвинул брови. – Не забывай об этом, Саша. Я не собираюсь терпеть, что кто-то имеет наглость расстрелять князя, наследника рода и члена Госсовета среди бела дня прямо у дома. И если ты желаешь мне в этом помочь – милости прошу.

В голосе его светлости ненавязчиво зазвенел металл. То ли аудиенция подходила концу... То ли к концу подходило

желание Багратиона объяснять что-то самонадеянному (если не сказать – наглому) юному князю. Надо отдать должное – верховный жандарм империи не пожалел времени на беседу. Не увещевал, не заставлял, не требовал и уж тем более не приказывал. Ненавязчиво подталкивал к... нужным мыслям – но не более. Да и крыть мне было, в общем, нечем: с Багратионом или без, я все равно собирался отыскать тех, кто убил Костю и едва не втянул в войну мою семью.

Найти и уничтожить. С законным и справедливым судом государыни императрицы и всего дворянского общества... или без такового – если придется.

– Я желаю помочь вашей светлости, – твердо проговорил я. – Но пока не очень понимаю, что для этого следует делать.

– Пока – ничего. – Багратион улыбнулся одними уголками губ. – Некоторые вещи не требуют суеты... а порой и вовсе ее не терпят. Все просто, Горчаков-младший. Живи, носи юнкерскую форму с честью... учись. Меньше говори, больше слушай – и не забывай смотреть по сторонам.

– Звучит не так уж сложно, – отозвался я.

– Именно. И вот еще. – Багратион на мгновение задумался – будто сомневался в чем-то, – но потом засунул руку в открытый ящик стола: – Держи.

Перстень. Из блестящего желтого металла. Вряд ли латунь – скорее уж самое настоящее золото. Даже не взяв неожиданный подарок в руки, я понял, что он точно будет мне великоват... Да и какая разница? Такие украшения уж

точно не следует носить открыто.

Массивную печать украшал тонкой работы щит с двуглавым имперским орлом, за которым расположились два скрещенных меча. Эмблема Третьего отделения. Непростая вещь... была бы непростая, даже окажись она просто куском металла с символом тайной полиции.

Но Багратион дал мне нечто большее. Я чуть ли не полминуты вглядывался в изящный контур плетения. Легкий, почти незаметный в толще материала перстня. Он едва ли предназначался защитить меня, сработать маячком – или наоборот, атаковать врагов. Силы я почти не почувствовал – зато мастерства было хоть отбавляй. Тонкий и сложный магический вензель не имел какой-то особенной и значимой функции – зато однозначно указывал на ранг, мастерство... пожалуй, даже на саму личность владельца.

Надежнее, чем подпись.

– Это украшение... скажем так, откроет некоторые двери. И поможет убедить некоторых людей. – Багратион сдвинул брови. – Но ты должен понимать...

– ...Что не следует размахивать им направо и налево, – кивнул я. – А лучше вообще никогда и никому не показывать. Использовать на собственное усмотрение в крайних случаях, когда все прочие меры уже испробованы.

– Если бы хоть четверть из моих людей были бы такими же догадливыми, как ты, Саша, – Багратион протяжно вздохнул, – у государства бы уже давно не осталось врагов. Как

внутренних, так и внешних... А теперь ступай. Не хватало еще доказывать твоему дедушке, что я вовсе не похитил тебя и не держу в застенках.

— Дедушка... — вспомнил я. — Сколько из того, о чем мы сегодня говорили, я могу рассказать своей семье?

Не то чтобы я действительно собирался соблюдать какую-то особенную секретность. Но вопрос все-таки задал.

— Ровно столько, сколько посчитаешь нужным. Решай сам. Думаю, это тебе вполне по силам.

Вполне.

Уже открывая дверь кабинета, я обернулся. Багратион снова взялся за перо, но к работе еще не вернулся — смотрел прямо на меня. Требовательно и сосредоточенно, вдумчиво — но одновременно и с мягкой улыбкой, которую я никогда не видел ни у деда, ни у Андрея Георгиевича. Только у Кости... но это было что-то другое.

Может, так должен смотреть на свое чадо строгий, но любящий отец? Или мудрый начальник — на молодого, но толкового подчиненного, и не более того?

Знать бы, знать бы...

Глава 4

– Равняйся! Смир-р-р-рно!

Зычный голос прокатился над строем, и примерно сотня фигур в черном – и я в их числе – встрепенулась. И тут же застыла, вытянув руки по швам. Ровно и чуть ли не одновременно. Из всех чуть замешкались и отстали всего человек десять-пятнадцать. Остальные зачислялись во Владимирское из кадетских корпусов – так что знали о шагистике более чем достаточно.

Да и я усвоил основы нехитрой науки достаточно быстро. Юнкера со старших курсов гоняли нас три дня почти без перерыва, так что к моменту знакомства с ротным вся разношерстная толпа младшего курса уже представляла из себя... что-то.

Дрессированные звери, из которых выйдут отчетливые юнкера, – примерно так нас охарактеризовали усатые здоровяки с темляками на кортиках и в офицерских портупелях, которым первокурсники, по слухам, должны оказывать чуть ли не большие почести, чем преподавателям и кураторам. В общем, терпкий аромат военщины я ощущал уже вовсю, хоть новоиспеченных воспитанников еще даже не заселили в комнаты при училище: первые дни зачисленным дозволялось ночевать дома.

Чем я, разумеется, воспользовался. Не только для того,

чтобы напоследок вдоволь наестьсястряпни Арины Степановны, но и чтобы поспрашивать чего-нибудь нужного. Андрей Георгиевич выпустился из училища в Москве еще при императоре Александре, так что кое-что в быту и нравах юнкеров с тех пор непременно изменилось.

Но не так уж сильно. Судя по тому, что творилось на построениях, в коридорах и даже в учебных классах – там, куда первокурсникам дозволялось заглянуть, – во Владимирском молодых гоняли едва ли меньше, чем в Александровском полвека назад.

Багратион не ошибся – на элитное заведение для знатных дворянских сынков моя будущая *alma mater* походила мало.

Настолько, что я даже удивился реакции деда. Старший Горчаков лишь немного поворчал на самоуправство Багратиона – похоже, исключительно для формы. То ли не пожелал противиться воле государыни, то ли решил соблюсти дворянский обычай отправлять младших отпрысков на военную службу... то ли и сам считал училище лучшей альтернативой не в меру приткому внуку.

Если вообще внуку.

Скорее всего – третье. Особенно есть учесть, что за нарушение приказа главы рода, вскрытый сейф, выбитые ворота в усадьбе, стрельбу и гонки по центру столицы мне по-настоящему так и не влетело. Похоже, даже дед посчитал перевод из лица в военное училище второй категории достаточным наказанием.

– Здравия желаю, господа юнкера!

Рев ротного снова резанул по ушам, вырывая меня из размышлений – а заодно и напоминая: мешкать не стоит. В первые дни несоблюдение устава здесь еще как-то прощается, но дальше...

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие! – громыхнул я вместе с остальной сотней первогодок.

Именно так и полагалось обращаться к старшему офицеру – Одаренному девятого магического класса. Но вышло не слишком стройно: для некоторых слово оказалось то ли сложноватым, то ли просто слишком длинным, чтобы как следует отчеканить по слогам – да еще и в полный голос. У них получилось что-то вроде «вашсокбродия» – сокращенного и невнятного.

– Тьфу ты! – проворчал стоявший справа от меня парень. – Язык сломаешь.

У него самого, впрочем, полная форма обращения по чину особых затруднений не вызвала. Я на всякий случай аккуратно «прощупал» соседа – и совсем не удивился, обнаружив Дар. Неоформленный, сырой – несмотря на то, что парень был явно постарше меня года на полтора-два. Но при этом уж точно и не совсем чахлый – примерно на девятый магический класс.

– Позвольте представиться, господа юнкера, – продолжал ротный, прохаживаясь вдоль строя. – Лейб-гвардии штабс-капитан Симонов Валерий Павлович. Командующий и стар-

ший куратор роты первого курса. То есть – вас.

Я осторожно приподнялся на цыпочках, вытянул шею и чуть сместился в сторону, пытаюсь получше рассмотреть наше верховное божество. Для своего возраста я вымахал довольно рослым, но среди сотни юнкеров-первокурсников попал только во вторую шеренгу – хоть и в самое начало. Так что стоявшие передо мной будущие однокашники могли похвастать куда более крупным сложением.

В отличие от самого ротного: лейб-гвардии штабс-капитан Симонов едва ли достал бы макушкой мне до носа. Зато шириной плеч уделал бы примерно раза в три. Чем-то он напоминал Андрея Георгиевича – но уж точно не внешнестью и не ростом, а скорее выправкой. Если мой прежний... «куратор» был самым настоящим гигантом, то нынешний скорее походил на тумбочку. Приземистую, мощную, почти квадратную и в человеческом обликии отчасти даже забавную.

Но только на первый взгляд. Лицо ротного – суровое, загорелое, с истинно армейским монументальным подбородком – выглядело весьма внушительно. Вряд ли ему исполнилось больше сорока – сорока пяти лет, но не меньше половины из них он наверняка провел вдали от Петербурга. И занимался уж точно не только тем, что гонял строем нерадивых юнкеров.

Шрамов ни на лице, ни на руках я не разглядел – зато обратил внимание, что при каждом шаге ротный чуть припа-

дает на левую ногу. Скорее всего, из-за какой-нибудь застарелой раны, полученной в бою, – в столице или любом крупном городе целители живо вылечили бы такое без следа... попади пациент к ним вовремя.

Под стать внешности была и форма ротного: черная, с двумя рядами золотых пуговиц. Похожая на мою – но, конечно же, куда богаче и украшенная подобающими чину знаками отличия. И не только ими. Помимо положенных штабс-капитану аксельбанта и вышитых золотой нитью погон с четырьмя звездочками, я разглядел несколько орденов. В том числе и поблескивающий алым крест на стыке воротника – ту самую «Анну на шее». Вторую степень ордена, который мне тайно вручил Багратион неделю назад.

Но была еще и четвертая. Сабля с золоченым эфесом, которую ротный надел к парадной форме, выглядела куда солиднее моего наградного кортика, но темляк – красная лента с золотой каймой – оказался почти таким же. Наверняка где-то еще притаилась и надпись: «За храбрость».

Я не слишком-то хорошо ориентировался в имперских наградах, но уже восполнил пробел, посидев пару часов в библиотеке в Елизаветино. И сразу вспомнил: четвертой степенью ордена награждались только унтер-офицеры. И даже рядовые – в отдельных случаях. И знаки отличия не снимались, даже если кавалер получал более высокую степень Анны – как это и случилось с ротным, который наверняка обрел заветный крест на шею относительно недавно. Скорее всего,

сразу после чина штабс-капитана.

А вот знак на оружие Симонов получил, может быть, и все двадцать лет назад. Там же, где и рану на ноге. Весьма занятно – учитывая, что в последний раз Российская империя официально воевала с кем-то чуть ли не в начале века. Я почему-то сразу вспомнил Андрея Георгиевича, который загадочным образом оказался в лесах под Веной в тридцать девятом, да еще и с целым отрядом бойцов. А потом – недавнюю стрельбу в центре города, истинных виновников которой пока не отыскал даже Багратион.

Похоже, война и правда не заканчивалась – просто меняла лицо. И я уже успел заглянуть в его пустые глазницы... и пока что остаться в живых.

– Мужик – зверь, – доверительно прошептал сосед по строю, чуть повернувшись в мою сторону. – Сразу видно – из настоящих, боевой офицер, а не эти самые...

Кто такие «эти самые» я так и не узнал – над нами снова прокатился зычный баритон.

– Многие из вас пришли в славное Владимирское пехотное училище из кадетских корпусов и уже имеют, скажем так, некоторое отдаленное представление о военной службе... Но есть и те, кому только предстоит с ней ознакомиться!

На мгновение показалось, что ротный посмотрел прямо на меня – хоть я и целиком скрывался за спинами более рослых однокурсников. Наверняка он уже успел ознакомиться

с личными делами всех первогодок. От талантливых кадетов из простолюдинов, сумевших попасть в ряды юнкерского училища без родового Дара, до таких, как я, — опальных князей, которых запихали сюда за проступки.

Вряд ли я тут такой один.

— И тем, и другим спешу напомнить, что ваша гражданская жизнь заканчивается здесь и сейчас! — продолжил ротный. — В отличие от кадета, который, по сути, является не более чем воспитанником корпуса или военной гимназии, юнкер — армейское звание, соответствующее рангу унтер-офицера. И отныне любой ваш поступок, будь он достойный или нет, — поступок дворянина на государственной военной службе. Со всеми вытекающими последствиями!

Заключительную фразу ротный выделил особенно — и я вдруг ощутил острое желание подобрать живот и вытянуться стрункой — дабы не позорить настоящие офицерские погоны неподобающим видом.

— С сегодняшнего дня вы поступаете на службу ее величеству императрице Екатерине Александровне и государству Российскому. А также в мое полное распоряжение. — Ротный сделал многозначительную паузу. — И — уж поверьте — мне нет никакого дела, кто передо мной: сиятельный князь, сын кухарки, которого матушка изволила нагулять от благородного родителя, или тот, кто вообще появился на свет без Дара.

Огрёбать будут все.

Я бы не удивился, закончи ротный свое выступление именно так. Интересно, у Мишки в Павловском было то же самое?.. Нет, вряд ли. Слишком уж много и туда, и уж тем более в Пажеский корпус приходило родовитых дворян... Точнее, даже наоборот – как раз нетитулованных туда принимали крайне редко. Тамошние преподаватели и офицеры наверняка взвешивали каждое слово.

А здешние «господа юнкера» едва ли могла похвастаться знатными или хотя бы просто богатыми предками. Разумеется, за исключением парочки «грешников».

Да и мне рассчитывать на помощь деда – в случае чего – пожалуй, не стоит.

– Передо мной в очередной раз стоит непростая, но благородная боевая задача: за три года сделать из пацанов офицеров. – Ротный развернулся на пятках и снова двинулся вдоль строя. – И видит Бог, я с ней справлюсь... чего бы это не стоило вам, господа юнкера.

Вокруг раздались негромкие смешки. Шутка – которую до нас наверняка уже слышало не одно поколение первогодок – пришлась по нраву не всем. Но многие хихикали исключительно из вежливости. Достаточно громко, чтобы усладить начальственный слух, – но при этом и достаточно тихо, чтобы ненароком не вызвать гнев.

Я промолчал.

– Военная служба в славном Владимирском училище нелегка. Не смею даже надеяться, что на весеннем постро-

ении перед отъездом в летний лагерь увижу всех, кто присутствует здесь сейчас. Двое из десяти юнкеров покинут нас еще до Нового года. Так всегда было – и так будет. Слабые не задерживаются. Но те, кто останется, станут друг для друга новой семьей. – Ротный сложил на груди могучие ручищи. – А я, лейб-гвардии штабс-капитан Симонов Валерий Павлович, с сегодняшнего дня и на ближайшие три года стану вашей мамой и папой.

– Но сиська у меня одна, – негромко прокомментировали справа. – Так что будете... употреблять по очереди.

По сравнению с выверенным – а потому сомнительным – юмором ротного выступление соседа показалось чуть ли не блестящим экспромтом. И я не выдержал – и заржал. Не то чтобы действительно громко, но...

– Господин юнкер, я сказал что-то смешное? – рывкнул ротный.

Ну вот, приплыли. В первый же день...

Я уже приготовился было ответить – осторожно, тихо, вложив в голос как можно больше искреннего раскаяния... Но сосед по строю – тот самый шутник – вдруг меня опередил.

– Никак нет! – заорал он, вытягиваясь по струнке. – Виноват, ваше высокоблагородие!

– Выйти из строя, – проворчал ротный уже без особой злобы – видимо, впечатлился юнкерской лихостью. – Кто таков будешь?

По шагистике нас гоняли знатно – но все же не настолько, чтобы новоиспеченные первогодки выполняли неожиданные и нестандартные команды без проволочек. Парни спереди замешкались, так что моему незадачливому соседу пришлось вопреки уставу протискиваться между ними чуть ли не боком.

– Юнкер Бецкий, ваше высокоблагородие, – заголосил он. – Богдан Васильевич. Выпускник Одесского кадетского корпуса!

Как ни странно, почему-то казалось, что все происходящее доставляет парню искреннее удовольствие. Перед тем, как встать перед похожим на грозовую тучу ротным, он каким-то немислимым образом умудрился на мгновение оглянуться и хитро подмигнуть мне.

Будто хотел сказать – погляди, что сейчас будет.

– Бецкий, значит... – Ротный задумчиво оглядел тощую фигуру в юнкерской форме с головы до ног. – Фамилия у тебя больно странная... И Дар имеется.

– Так точно, ваше высокоблагородие! Имеется.

– А сам чьих будешь?

– Так я... этот, как ваше высокоблагородие сказать изволили. – Бецкий пожал плечами. – Кухаркин сын.

На мгновение оба смолкли. И просто смотрели друг на друга – будто то ли обменивались мыслями, то ли еще что-то. Казалось, между ними происходит какой-то диалог, о содержании которого все остальные могли только догадываться.

И длился этот диалог недолго.

– Становись в строй, Богдан Бецкий. – Ротный махнул рукой. – И не думай тут себе лишнего. Будешь служить как следует – большим человеком станешь, хоть и рода сам незнатного... И чтобы зубоскалить впредь не смел, пока я говорю. Смекнул?

– Смекнул, ваше высокоблагородие, – кивнул Бецкий – и тут же поправился: – Так точно!

– То-то же. Ступай.

Ротный говорил еще что-то – но недолго. То ли все формальности уже и так были соблюдены, то ли странное выступление Бецкого почему-то отбило у лейб-гвардии штабс-капитана охоту растягивать приветственную речь – уже скоро она закончилась. Но я почти не слушал. Вместо этого украдкой разглядывал виновника всей кутерьмы... а заодно и своего спасителя.

Внешности он, надо сказать, был весьма необычной. Рослый – чуть выше меня, если уж стоял в строю справа, – но такой тощий, что даже пошитый по меркам парадный китель висел на нем мешком. Длинная шея торчала из форменного воротника-стойки чуть ли не на локоть и увенчивалась головой. Круглой, носатой и из-за короткой стрижки казавшейся непропорционально маленькой – по сравнению с телом. Подбородок Бецкий выбрил чуть ли не до блеска, но в комплект к жиденьким рыжеватым усикам оставил по бокам неожиданно роскошные бакенбарды. Несуразные, неумест-

ные... но при этом предназначенные для вполне определенной цели.

Даже частично укрывшись за ними, уши Бецкого выглядели огромными – я бы поставил свой наградной кортик и пятьсот рублей в придачу, что их кончики торчали за края форменной юнкерской фуражки. Тут же подумалось, что парень мог бы спрыгнуть с самой крыши училища без малейшего вреда для себя. Случись такое, ветер тут же подхватил бы его под уши и аккуратно опустил на мостовую – разве что унес бы куда-нибудь в сторону Зимнего.

Вот бы государыня удивилась.

– Чего уставился? Уши мои нравятся? – довольно ухмыльнулся Бецкий, когда ротный отвернулся. И, не дождавшись ответа, продолжил: – Понимаю. Выдающиеся, между прочим, уши.

Вне всяких сомнений. Настолько, что, разглядывая их, я даже пропустил финал речи почтенного лейб-гвардии штабс-капитана... между прочим, по совместительству мамы и папы.

– Господа юнкера – вольно! Разойдись! – скомандовал ротный.

И я уже было решил, что все интересное на сегодня уже закончилось...

– ...А господина юнкера Бецкого я попрошу задержать-ся. – Ротный безошибочно выцепил в толпе взглядом тощую лопоухую фигуру. – И прихватите с собой вашего товарища

Горчакова.

Значит, уже заметил. И все знает... хорошо это или плохо.

— Ну вот... — едва слышно вздохнул мой собрат по несчастью. — Чуть что — сразу Бецкий.

В его голосе сквозило столько глубокой тоски, что я на мгновение даже поверил, что грядущий разнос от ротного стал для парня чем-то неожиданным... или неприятным.

Ничего подобного. Наоборот — он явно обрадовался. Его разве что чуть смутило, что попал под раздачу со мной на пару, а не в гордом одиночестве. Шагая на расправу к Маме-и-Папе, я поймал взгляд Бецкого — слегка виноватый, но все равно веселый и довольный.

Вот ведь... чудила.

Глава 5

– Рок-н-ролл, детка-а-а... – пропел юнкер Бецкий.

Он же Богдан, он же просто Бодя из Одесского кадетского корпуса. Именно так и представился мой лопоухий товарищ по несчастью.

Когда нас обоих вызвал ротный, я уже приготовился к худшему – но кара оказалась не такой уж строгой. Как выразился Мама-и-Папа – господа юнкера Горчаков и Бецкий до самого отбоя поступают в полное распоряжение коменданта для проведения хозяйственных работ.

В общем, мы загремели на уборку. Сначала кухни, потом каземата – а потом и лестницы. Не то чтобы нехитрые упражнения со шваброй, тряпкой и ведром мутной воды вызвали у меня какие-то сложности, но особого опыта в подобных делах у меня не было.

Зато Богдан владел боевым инструментарием полумойки в совершенстве – похоже, традиция попадать на хозработы прилепилась к нему еще в кадетском корпусе.

Неудивительно – с такими-то замашками.

Самого его это, впрочем, совершенно не напрягало. Богдан носился как угорелый, засовывал руки в ведро чуть ли не по локоть, мастерски отжимал тряпку длинными загорелыми пальцами – и тут же снова наматывал ее на выдавшую виды швабру, не забывая при этом болтать без умолку. А ко-

гда мы постепенно переместились из каземата на лестницу, где уже почти не попадалось начальства, – принялся еще и паясничать.

На полную катушку.

– Бат донт ю... степ он май блю свед шу-у-уз... – фальшиво протянул Богдан, приплясывая, широко расставив ноги и схватив швабру как микрофонную стойку. – Я Элвис Пресли.

– Ты болван.

Я не выдержал и засмеялся. Мне совершенно не улыбалось влетать на весь день из-за длинного языка Богдана, но сердиться на него оказалось попросту невозможно. При всей своей нелепости и странной наружности Богдан обладал каким-то совершенно немыслимым, сверхчеловеческим обаянием. И работать умел на совесть: за то время, пока я возился с тремя ступеньками, мой товарищ по несчастью уже успел изящно промахнуть шваброй весь оставшийся пролет – и теперь с чистой совестью (и лестницей) изображал Короля рок-н-ролла на площадке выше.

– Не болван, а Богдан, – поправил он – и тут же широко улыбнулся, скользнул вниз по перилам и протянул мне ладонь. – Давай знакомиться уже, господин юнкер... А то чего как не родной?

Пожалуй.

– Саша. – Я стиснул мокрую от тряпки клешню. – Горчаков... Бывший воспитанник Александровского лицея.

И без всяких князей. Если уж ротный открытым текстом сказал, что ему плевать на происхождение, то вряд ли оно здесь интересуется кого-то другого. И выпячивать без надобности...

Рукопожатие у Богдана оказалось неожиданно крепким. Каким-то настоящим, уверенным – похоже, в тощих руках бывшего кадета скрывалась немалая сила. Еще пару минут назад я не воспринимал его всерьез, но теперь...

– Горчаков, да еще и лицеист. – Богдан отпустил мою руку и задумчиво прищурился, чуть склонив голову набок. – Значит, из родовитых будешь... И за какие же грехи тебя сюда определили, друже?

Дар, мускулы, да еще и сообразительный – парень явно не так прост, как хочется казаться.

– Да так... – уклончиво ответил я. – С чего ты взял, что родовитый?

– Гор-р-рчаков! – Богдан сделал гротескно-серьезное лицо. – Князь или граф, не иначе... Фамилия-то какая!

– Нормальная фамилия. – Я пожал плечами. – Это к твоей ротный прицепился.

– К моей попробуй не прицепись, – вздохнул Богдан, опираясь на перила. – Судьбинушка моя такая тяжелая. Всяк спросить норовит, сиротинушку обидеть. И ты туда же, господин юнкер.

Обидеть?..

– Байстрюк я, короче говоря. – Богдан улыбнулся и мах-

нул рукой. – Рожденный, так сказать, вне законного брака. Оттого и фамилия дурацкая, и имя такое положено. У нас в Одессе говорят: «У Богданушки все батюшки».

Вот оно что. Да уж, на месте Богдана я бы точно не спешил рассказывать о подобном. А вот он, похоже, не особо-то и скрывался – скорее даже наоборот, выпячивал свое странное происхождение напоказ... Только зачем?

– Шила в мешке не спрячешь, – пояснил Богдан, будто прочитав мои мысли. – Только дураком себя выставишь... Но будешь цепляться – в глаз дам.

Не буду. Тут как бы самому «Богданушкой» не оказаться – спасибо его светлости Багратиону.

– Больно надо, – отмахнулся я. – Не мое это дело... Так ты, получается, и отца своего не знаешь?

– Как его не знать, скотину этакую. – Богдан насупился. – Нагуляла меня маменька да и померла через год. А он и не навестил ни разу. Сто рублей только выслал на похороны, говорят, – и все. В рожу бы ему плюнул поганую, да не успел: мне и пяти лет не было, как батяню самого пьяного медведь на охоте задрал.

Одаренного дворянина? Медведь?

– Видать, сильно пьяный был, – вздохнул я. – Грустная история.

– Уж какая есть. – Богдан пожал плечами. – А как по мне – туда ему самая и дорога. Я и сам проживу, а его сейчас черти в аду вилами тычут в жо...

Договорить Богдан не успел. Захлопнул рот, пулей махнул через четыре ступеньки разом, подхватил швабру и принялся яростно натирать лестницу. Я на всякий случай последовал его примеру – и не зря: снизу уже доносились шаги, а через несколько мгновений к нам поднялся старшекурсник в офицерской португее.

– Работаете, молодые? – походя поинтересовался он. – Похвально, похвально... Труд – величайшая добродетель, способная превратить в отчетливого юнкера даже сугубейшего зверя.

– Вот козел... – пробормотал я, когда шаги старшекурсника стихли на лестнице.

– Это нормально. – Богдан рассмеялся и снова отложил швабру. – Меня еще в кадетском предупреждали, что во Владимирском цук похлеще, чем в кавалерийских училищах в свое время.

– Ч... чего?..

– Цук! – Богдан вытянул вперед полусогнутые руки и взмахнул, будто щелкая невидимыми поводьями. – Традиции славной пехотной школы.

Да, что-то такое про местные обычаи я уже слышал. А Богдан, похоже, знал о них немногим меньше матерого старшекурсника.

– Понятно, – улыбнулся я. – Так если ты такой умный – чего ж на швабры загремел? Да еще и в первый же день.

– Ну, во-первых – тебя выручить. А то больно нехорошо

вышло. – Богдан подхватил со ступеньки ведро. – А во-вторых – присмотреться, что, где и кто есть кто. Сейчас мы с тобой при деле, а остальных старшие до отбоя цукать будут.

– Ужин пропустим... – тоскливо вздохнул я.

– Нехай! – Богдан махнул рукой. – Потом чего выпросим. Богданушка тощий, Богданушку поварихи всегда жалеют. Как говорят у нас в Одессе, держись подальше от начальства – и поближе к кухне.

– Тоже верно.

– В общем, со мной не пропадешь, Горчаков. – Богдан протянул мне швабру. – Пойдем каземат намывать. Ставлю месячное жалование, сейчас там такое творится – бока надорвешь.

Я не стал спорить. Не то чтобы десять казенных рублей, полагававшихся каждому юнкеру единожды в месяц, были для меня такой уж большой суммой – что-то подсказывало: Богдан не ошибся. И действительно, стоило нам выйти с лестницы – я на мгновение перестал слышать даже его нескончаемый треп.

В жилом помещении на три с небольшим десятка коек, которые местные называли то модным словом «дуртуар», то по-простому – казематом, царил форменный бедлам. Понятным делом была занята едва ли треть юнкеров, а остальные исполняли что-то несусветное: носились из стороны в сторону, шумели и производили действия, о смысле которых я мог только догадываться.

Большинство было облачено в повседневную форму – но встречались и те, кто то ли не успел снять парадную... то ли надел ее снова, подчиняясь чьему-то странному велению. Пятеро «молодых» в полном облачении – из тех, что стояли где-то за мной на построении, – хором нестройно выводили что-то из репертуара то ли британской четверки, то ли так любимого Богданом Элвиса.

Ни петь, ни даже толком вспомнить слова из них, разумеется, не мог ни один, но руководителя странного оркестра это ничуть не смущало. Плечистый старшекурсник, прикрыв глаза – видимо, от нахлынувшего вдохновения, – дирижировал молодыми. То есть плавно размахивал прямо перед их лицами чем-то продолговатым и увесистым.

Кажется, ножкой от табуретки.

– Молодой, скажите-ка мне пулей – есть ли на Марсе пехота? – слышался чей-то ленивый голос.

– Не могу знать, господин обер-офицер! – отозвался второй.

Чуть в стороне двое «сугубых» приседали – и, похоже, уже не первый десяток раз. Вид у парней был не то чтобы измученный – но не слишком бодрый. Перед ними неторопливо прохаживались старшие, планомерно отсчитывая в полный голос: ать-два, ать-два...

– Знато, – негромко присвистнул Богдан. – У нас в кадетском такого не водилось.

И так далее в том же духе: без дела в дортуаре не остался

никто. Кроме нескольких старших, развалившихся на койках с книгами в руках. Видимо, их благородного статуса никакая муштра уже не касалась.

Откуда-то ощутимо тянуло табаком, хоть курение в общих залах и строго-настрого запрещалось.

– Да твою ж... матушку, – выдохнул я.

– Померла уже матушка, и давно. – Богдан хлопнул меня по плечу. – Пойдем трудиться, господин сугубый. А то цукнут – мало не покажется.

Спорить я не стал – уж лучше еще немного повозиться с тряпками и ведром, чем попасться на глаза заскучавшим старшим. Не то чтобы я собирался терпеть местный цук... но и нарываться тоже не хотелось. Обычаи здесь, похоже, полагалось соблюдать без споров и особых страданий: и «благородные подпоручики», и «молодые» выглядели в целом благостно – если не сказать довольно и весело. Во всяком случае, первые не пытались тронуть «сугубых» даже пальцем, а вторые – бросались выполнять самые нелепые повеления с совершенно непонятным мне рвением.

И все же дортуар я покидал с явным облегчением – в отличие от Богдана. Тот явно любовался бы местными бесчинствами хоть до самого отбоя, подмечая что-то мне пока неясное и вовсе неясное.

– Ты что себе позволяешь, щенок?

Высокий, но нарочито грубый голос, раздавшийся из коридора за дортуаром, выбился из общей какофонии. Не

громкостью и не тембром – поющие где-то за спиной юнкера завывали похлеще, – а скорее манерой и даже самым обращением. «Стандартный» цук, похоже, подразумевал исключительно вежливость, а здесь...

– Беспредел, – негромко проговорил Богдан, замедляя шаг.

Лучшего слова я бы не придумал: в коридоре явно творилось что-то из ряда вон выходящее. Четверо рослых юнкеров обступили пятого – невысокого, щуплого, со светлыми, почти белыми жиденькими волосами. Его я точно видел на построении – где-то слева в задней шеренге, куда ставили самых мелких и худосочных.

Похоже, первокурсника взялись «обхаживать» старшие. Но совсем непохожие на тех, что гоняли «сугубых» по дортуару, – эти явно не добирали ни стати, ни возраста, ни какого-то особенного «гвардейского» лоска, как те, что к весне выпускались в полк или шли в Академию Генштаба.

Второй курс?

– Ты что, глухой? – Белобрысый здоровяк толкнул первокурсника в плечо. – Когда к тебе обращается старший по званию, следует отвечать: «Никак нет, господин обер-офицер».

Мелкий выглядел помятым – похоже, уже успел схватить пару тумачков, – но уж точно не испуганным. Скорее сердитым: брови сдвинуты, голова чуть втянута в плечи, левая нога отставлена назад. Плечи напряжены, пальцы сжаты. Не в кулаки, а так, будто он собрался швырнуть Булаву с двух рук

сразу.

Иронично – если учесть, что из всех присутствующих в коридоре он единственный не обладал Даром. Вообще никаким – даже чахлый четырнадцатый магический класс для заморыша оказался бы чем-то недостижимым.

И кто его вообще определил в юнкера?

– Ты не обер-офицер, – отозвался мелкий. – А чучело ряженое. Я...

Договорить пацан не успел. Белобрысый коротко, почти без размаха впечатал ему в живот увесистый кулак, и бедняга тут же с хрипом согнулся. Попытался дернуться, боднуть обидчика лбом в подбородок – но так и не дотянулся. Второй удар – уже полноценный, тяжелый и размашистый – отшвырнул парня к стене.

– Так и будем смотреть? – проворчал я. – Нашего быют.

– Старшие. – Богдан опасливо огляделся по сторонам. – Непорядок, конечно, но нам в их дела лезть не положено. Оберов бы позвать...

– Да хрен с ними.

Не знаю, что на меня нашло. Я нечасто замечал за собой желание почесать кулаки без особого повода. И не сказать чтобы так уж сильно сочувствовал мелкому. Но то ли юнкерская форма сама по себе обязывала к героизму, то ли драка четверых против одного как-то особенно сильно укололо мое чувство справедливости...

То ли вожак старших слишком уж напоминал Воронцо-

ва – такой же здоровый, белобрысый, скудоумный и наглый... с тем, кто ростом ему примерно до второй сверху пары золотых пуговиц на кителе.

– Отставить! – Я гроыхнул ведром с водой об пол. – Что тут происходит, господа юнкера?

Старшие тут же подпрыгнули, как ошпаренные, отступили от мелкого, чуть ли не синхронно втянули головы в плечи и обернулись, явно ожидая увидеть кого-то из начальства или хотя бы портупей-юнкеров...

Но вместо этого увидели двух первоодок со швабрами.

– Ох ты... А кто это тут у нас? – Похожий на Воронцова белобрысый плотоядно усмехнулся. – Никак новое зверье пожаловало?.. И чего тебе надобно, молодой?

Не нарываться, Горчаков, не нарываться, не нарываться...

– Оставьте парня в покое, – проворчал я. – Вас четверо, он один.

– Господа обер-офицеры... – «Воронцов» демонстративно покрутил головой, оглядывая свою свиту. – Мне не слышалось? Зверь приказывает благородному обер-офицеру?

Когда все четверо неторопливо, вразвалочку зашагали к нам, я услышал, как Богдан нервно вздохнул. Дратся в его планы явно не входило – как и вообще ввязываться во что-то сомнительное. Так что рассчитывать на его помощь не стоило...

Да и какая разница? Если уж мордобоя не избежать – его

стоит начать.

– Зверь недрессированный, – продолжил «Воронцов», двигаясь на нас с Богданом. – Глупый и бесправный, которому положено быть бессловесным, когда благородный обер...

Мой кулак врезался ему прямо в переносицу. Веса в «Воронцове» было раза в полтора больше, чем во мне, – набрал за год муштры в училище, – но удар все равно получился на славу. Без всякого Хода я оказался достаточно быстрым... или никто просто не ожидал от худощавого «молодого» такой прыти.

«Воронцов» повалился кулем – но на этом мои успехи едва не закончились. В отличие от шушеры в «Кристалле», юнкера-второгодки дружно полезли защищать своего вожака. И, надо признать, делали это весьма квалифицированно. Я едва не пропустил удар в челюсть, кое-как отмахнулся – и тут же сам набросился на худого, но жилистого чернявого парня. Он грамотно закрылся от моих кулаков, но колено поддых все-таки пропустил. И свалился куда-то под ноги своим товарищам.

Третий второкурсник запнулся о распростертое на полу тело – и тут же поплатился за неуклюжесть. Его я убрал совсем уж некрасиво – сначала ткнул растопыренными пальцами по глазам, а потом схватил за ворот кителя, рывком раскрутил – и с хрустом впечатал лицом в стену.

А четвертого тем временем свалил кстати подоспевший Богдан. Мой собрат по швабре явно замялся, размышляя –

стоит ли вообще лезть, но внутренне благородство победило. Краем глаза я увидел, как он пинком опрокинул ведро противнику на ботинки и, когда тот замешкался, отступил на шаг... и использовал дальнобойное подручное средство.

Швабра врезалась второкурснику в плечо и с жалобным хрустом переломилась надвое. Удар вышел не таким уж сильным – так что враг крикнул и уселся на пятую точку скорее от неожиданности.

Случилось небывалое – такого столетние стены Владимирского юнкерского пехотного училища наверняка еще не видели: парочка «молодых» отделала значительно превосходящие силы юнкеров второго курса. Может, праздновать победу было еще рановато, но все четверо наших противников остались на полу, а мы с Богданом...

– Могу я полюбопытствовать, – раздался за спиной негромкий голос, – что за непотребство вы тут устроили?

И даже прежде, чем обернуться, я заметил, как разлитая по полу мутная вода из ведра стремительно покрывается корочкой льда.

Глава 6

– Драка... Немыслимое непотребство! Неслыханное и недостойное благородного пехотного офицера.

Юнкер в офицерской портупее – похоже, один из тех, кто читал книгу в каземате, – пытался говорить сурово. Но в темных глазах плясали искорки, а уголки рта на серьезном лице так и норовили дернуться и приподняться вверх. Похоже, все происходящее старшекурсника искренне забавляло.

Или парень просто любил посмеяться. Чем-то он напоминал Богдана: такой же горбоносый, рослый и худощавый – но пошире в плечах, осанистый. Уже набравший офицерского лоска... но, похоже, не утративший какого-то неуловимого духа раздолбайства.

Он применил магию. Но не полноценную боевую, а какое-то хитрое плетение, явно предназначенное слегка остудить пыл дерущихся... А заодно и схватить льдом разлитую воду на полу. В коридоре ощутимо похолодало – и вряд ли из-за того, что меня так уж сильно страшил возможный разнос от старших.

– Так что тут случилось?

Говорить продолжал только один юнкер, хоть на шум они и пришли вдвоем. Второй маячил на заднем плане безмолвной тенью... Но при этом почему-то внушал куда серьезнее. То ли из-за габаритов – ненамного выше меня, но с огром-

ными плечами и мощными ручищами. То ли из-за облика в целом: третьекурсник отрастил изрядные усы, насквозь рыжие от табака, – но и без них смотрелся бы заметно старше товарища.

Лет двадцать пять точно. А может, и все тридцать – судя по морщинкам в уголках глаз. И что он забыл среди молодняка, набежавшего из кадетских корпусов? Да еще и без Дара...

– Молодые совсем озверели, – проворчал «Воронцов», поднимаясь с заледеневшего пола. – С кулаками кидаются.

– Молодые... – усмехнулся юнкер в портупее. – Давно ли вы, господа, сами молодыми были? Так что ж получается – вас четверых сугубцы втроем отлупили?

Мелкого первокурсника, похоже, уже записали в «наши» ряды. «Воронцов», уже приготовившийся было выдать гневную тираду, осекся – и так и застыл с раскрытым ртом.

– Никак нет, господин подпоручик, – отозвался один из его товарищей – тот самый, которому я расквасил нос об стену. – Видимо, на льду ноги разъехались... Скользко тут, знаете ли.

Звучало это, конечно же, нелепо – но старшекурсников, похоже, устроило. Уж не знаю, что случилось бы, окажись на их месте ротный или кто-то из офицеров училища, но на этот раз, похоже, пронесло.

– Ступайте, господа. Умойтесь, приведите себя в порядок... и уж будьте так любезны – постарайтесь больше не па-

дать на ровном месте.

«Воронцов» со своей изрядно потрепанной шайкой удалился – и вид у него был настолько беспомощно-злобный, что я едва сдержал смех. А вот Богдан не справился: хоть и зажимал рот обеими руками – не сдержался и прыснул.

– Впредь попрошу воздержаться... – Старшекурсник шутливо погрозил пальцем – и вдруг снова напустил на себя серьезность: – Представьтесь, молодой.

– Юнкер Бецкий Богдан Васильевич, господин подпоручик! – с готовностью заголосил Богдан, вытягиваясь по струнке. – Выпускник славного Одесского кадетского корпуса!

– Ага... То-то я и смотрю – что-то знакомое... Я и сам оттуда. – Старшекурсник на мгновение задумался – и тут же продолжил, сложив руки на груди: – Скажите, молодой, как вы желаете жить отныне и впредь, до самого выпуска, – по уставу или согласно традициям славной пехотной школы?

– Согласно традициям! – Богдан едва не подпрыгнул на месте. – Прошу вас стать моим дядькой, ежели господину подпоручику будет угодно!

Дядькой? Интересно... Похоже, мой собрат по швабре знал о местных обычаях даже больше, чем уже успел рассказать. И «господину подпоручику» – который никаким подпоручиком, ясное дело, еще не был – это пришлось по нраву.

– Добро, молодой, – кивнул он. – Непременно возьму на себя честь обучить вас всем славным традициям школы и

премудростям военного дела... Но и требовать буду соответственно.

– Так точно, господин подпоручик! – Богдан снова вытянул руки по швам. – Будет исполнено!

– Исполняйте, молодой. Перво-наперво – ступайте в дортуар и скажите, что подпоручик Подольский велел организовать... – Старшекурсник обвел нас глазами, пересчитывая, – три спальных места. В соответствии с вашим нынешним статусом.

– Так точно!

От волнения Богдан даже забыл добавить «титул». Тут же умчался выполнять высочайшее повеление, едва не споткнувшись о ведро на полу. А мы со спасенным первокурсником остались со старшими с глазу на глаз. Я сообразил, что для меня тоже наступает время ответить на несколько важных вопросов... но «подпоручик» Подольский почему-то обратился к мелкому. Точно так же – сначала попросил представиться.

– Волков, Артем. Гимназист.

Бывший, конечно же. Три слова прозвучали так, будто первокурснику был отвратителен и статус, и даже собственное имя. И все происходящее, включая меня, – тоже.

– Скажите, молодой, как вы желаете жить отныне и впредь, до самого выпуска, – по уставу или по традициям славной пехотной школы? – поинтересовался Подольский.

Тон у него при этом был какой-то странный. Не недоволь-

ный – скорее то ли чуть скучающий, то ли просто невеселый. Оттого, что он, похоже, уже сообразил, что услышит в ответ.

– По уставу, – бросил Артем – коротко и резко, будто выплюнул.

И все – ни пояснений, ни жалоб, вообще ничего.

– Решать вам, господин юнкер. – Подольский пожал плечами. – Но я бы настойчиво посоветовал вам подумать хотя бы до завтра... В конце концов, время еще есть. И не забывайте, что в училище жизнь по уставу, конечно же, избавляет от соблюдения славных традиций, но добавит немало неудобств, которые...

– По уставу! – Артем сдвинул брови. – Я же сказал.

– Попрошу не перебивать, молодой! – Подольский слегка повысил голос. – Будем считать, я этого не слышал. Завтра спрошу еще раз – тогда и ответите. А сейчас, господа юнкера, пройдемте с нами. Пора готовиться к отбою.

Похоже, меня это тоже касалось. Я не стал возражать, подхватил с пола обломки швабры с ведром и молча пошел следом за Артемом и старшими. Второй так и не подал голоса – хотя авторитетом, судя по всему, пользовался ничуть не меньшим, чем Подольский.

Хотя бы потому, что спальные места нам достались чуть ли не царские – в небольшом закутке у окон. Достаточно далеко и от лестницы, и от коридора, и от дверей в какие-то подсобки, из которых тянуло табачным дымом. Чуть в стороне от лихих бесчинств, которые устраивали старательно цу-

кающие молодняк старшекурсники. Похоже, раньше эти места занимал кто-то из выпустившихся весной в полк подпоручиков – судя по выдавшим виды тумбочкам.

Интересно, за что нам такая радость – особенно если учесть, что Артем явно плевать хотел на славные местные традиции, а меня и вовсе пока даже не спросили... Почему?

– Располагайся, Горчаков. – Богдан плюхнулся на скрипнувшую пружинами койку и носком ботинка указал на соседнюю. – Я тебе даже уже чемодан твой притащил.

Действительно, притащил... и даже не ошибся. Впрочем, мой нехитрый скарб вряд ли мог сильно отличаться от любого другого. Несколько смен белья, джинсы, пара рубашек, немного денег, полотенце, образок, положенный Ариной Степановной, и еще пара мелочей, которые наверняка бы нашлись в тумбочке у любого юнкера. Наградной кортик я, разумеется, оставил в Елизаветино, а драгоценное кольцо с вензелем Багратиона носил в кармане.

Все остальное мне полагалось пошить по меркам или получить со склада – все до одного юнкера во Владимирском числились на полном казенном обеспечении... даже те, чьи семьи вполне могли себе позволить и некоторую роскошь.

Воронцов без своего модного пиджачка бы здесь точно удавился от тоски.

– Ко мне в племянники пойдешь?

Сначала я подумал, что негромкий голос, раздавшийся с соседней койки, мне послышался. Но нет: здоровяк с проку-

ренными усами – тот самый, который пришел вместе с Подольским – обращался именно ко мне.

Причем обращался не по уставу, на «ты» и так, чтобы никто другой не мог услышать наш разговор. И я бы, пожалуй, принял все это за попытку цукнуть меня, что называется, не отходя от кассы...

Если бы не одно но – похоже, юнкерские обычаи подразумевали как раз обратное: это сугубец должен был выпрашивать потенциального «дядьку» взять его в «семью». А тут...

По местным меркам мне, можно сказать, оказывали великую честь.

– Сам предлагаешь? – негромко отозвался я. – Вроде не так у вас тут принято.

– У нас, может, и не принято. – Здоровяк уселся на койке, натужно заскрипевшей под его немалым весом. – А я – предлагаю.

Коротко и ясно. Болтать он, похоже, не любит.

– А если я выберу жить по уставу? – усмехнулся я.

– Не выберешь. А выберешь – значит, дураком будешь. – Здоровяк пожал могучими плечищами. – Традиции здесь уважают. Ты не смотри, что старшие сугубцев гоняют в хвост и в гриву. Это только до присяги, два месяца. И больше не показ все, а на деле «дядька» молодого в жизни пальцем не тронет. И другим не даст.

– А по уставу?

– Значит, и будет по уставу. И взводный по-положенно-

му спрашивать будет, а не по-человечески. И ротный, и свои господа юнкера. И на все три года – до самого выпуска – никто тебе тут руки не подаст. А если в полку потом узнают, что к ним красный распределился, – тоже хорошего не будет.

– Красный? – переспросил я.

– Так называют юнкеров, которые решили жить по уставу, – ответил здоровяк. – Я за все годы только одного такого знал. Вроде и правильный офицер был, а человек – сволочь. Как выпустился, принялся в полку солдат гонять.

– А дальше?

– А дальше всякое рассказывали. Уж не знаю, что именно у него там вышло, а через полгода господин подпоручик со службы ушел. Насовсем.

Вот такие дела. Хрен оказался ничуть не слаще редьки – скорее, наоборот. Не то чтобы меня так уж радовала перспектива на ближайшие два месяца превратиться в бесправного сугубого «зверя», чуть ли не раба «дядьки»... но жизнь по уставу неприятностей сулила куда больше. Похоже, «красный» юнкер в каком-то смысле совершал форменное социальное самоубийство, разом превращаясь в изгоя не только на три года училища, но и на всю оставшуюся армейскую жизнь.

Так себе расклад.

– Хорошо... – проговорил я. – А тебе-то самому оно зачем?

– Мне – незачем. – Здоровяк басовито рассмеялся. – Оно

тебе надо, молодой. Если хочешь по уставу жить – дело твое. Или можешь к другому дядьке попроситься. После того, как ты с Богданом его сиятельство князя Куракина отлупил, тебе из наших никто не откажет.

Вот тебе и раз. Еще один князь нарисовался – и с тем я уже успел поцапаться в первый же день. Так и до дуэли недалеко.

– Так что если решишь песни петь или ерундой всякой маяться – милости прошу, – проговорил здоровяк. – А я тебя настоящему делу научить могу. Такому, что на занятиях и не покажут другой раз... В общем, сам решай. Уговаривать не буду.

И спрашивать второй раз – как Подольский Артема, – видимо, тоже.

С одной стороны, не очень-то хотелось по своей воле вписываться в этот самый пехотный цук. Но с другой... Нет, других сторон было определено больше. Вряд ли Багратион хотел бы, чтобы «его человек» во Владимирском училище превратился в «красного» изгоя. И еще меньше этого хотел я сам. Да и потенциальный покровитель вовсе не выглядел тем, кто станет без повода измываться над сугубцем.

Ну что, Горчаков... доверимся чуйке?

– Понял тебя, – проговорил я. – Так как тебя хоть звать-то... дядька?

– Иваном Сечиным. – Здоровяк едва заметно улыбнулся. – Если лично. А в обществе благородных офицеров – господин подпоручик.

Я на всякий случай огляделся по сторонам. Суэта в дортуаре улеглась, и все стихло. Похоже, ночной сон – равно как и подготовка к нему – здесь считался чем-то чуть ли не священным. До отбоя оставался примерно час, но всякий цук уже прекратился. Юнкера – и сугубцы, и «благородные обер-офицеры» – занимались каждый своими делами. Примерно половина читали книги, кто-то возился с одеждой. Молча – только Подольский едва слышно отчитывал Богдана, задремавшего на незастеленной койке.

Воспитание сугубца уже началось.

– Так точно, господин подпоручик, – произнес я. – Какие будут... пожелания?

Произнести слово «приказ» я себя так и не заставил.

– Пожелание у меня только одно. – Иван махнул рукой. – Ложитесь спать, молодой. Подъем завтра в шесть утра.

Против такой воли «дядьки» я, разумеется, ничего не имел.

* * *

– Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?

– Черные черепа? Они... они страшные.

– Может быть. Это особый знак. Его использовали...

– Давно? Еще до войны?

– Юнкер-р-ра! Подье-е-е-ем!

Рев дежурного офицера – не ротного, кого-то рангом по-

ниже – мгновенно прогнал сон. Тот самый, который я видел уже много раз. Ставший привычным и уже не приносящим поганые ощущения – вроде слипшихся глаз, мокрого лба и чугуновой головы... Почти. Я бы, пожалуй, предпочел подремать еще полчаса или час – конечно же, если бы у меня кто-то спрашивал.

– Поднимайся! – Надо мной нависло усащенное лицо Ивана. – На ходу проснешься. Надо скорее умыться успеть, пока не набежали. Отстанешь – засмеют.

Похоже, обучение «молодого» начиналось с самой побудки. И мой «дядька» без всякого стеснения показывал все на собственном примере. Откинул одеяло по диагонали и принялся натягивать форменные брюки. На этом, впрочем, и ограничился – видимо, поход к умывальникам ничего больше не требовал. Я с точностью повторил действия Ивана, стараясь не отставать, – и зашагал за ним следом.

И сразу понял, что он хотел сказать загадочным «пока не набежали». Не все юнкера оказались расторопными – примерно половина еще ворочалась в кроватях, пытаясь выгнать себя из-под уютных одеял. Но и оставшихся вполне хватало чуть ли не целиком забить ваннные комнаты – к каждому умывальнику уже выстроилась очередь.

Если бы не высокий статус моего «дядьки», нормально ополоснуться я бы точно не успел. Но перед его заросшим темно-рыжим волосом могучим торсом уважительно расступалась и мелкота, и второкурсники, и даже старшие. Кото-

рых, впрочем, было не так уж много. Подольского, спавшего от меня через койку, я так и не увидел – похоже, «господам подпоручикам» даже в плане распорядка дозволялось чуть больше, чем сугубцам.

На смотр в коридоре мы вышли одними из первых – спасибо Ивану. «Дядька» лишь коротко кивнул на прощание – и удалился в другую сторону: туда, где строилась старшая рота. А я принялся искать свое место, высматривая среди однокашников приметную макушку Богдана, но так его и не увидел.

Зато наткнулся взглядом на Артема. Мелкий каким-то чудом не только отвоевал себе место у умывальника, но и пристроился в нужную шеренгу на левый фланг – туда, где уже собирались самые щуплые. Я помахал и был удостоен хмурых бровей и кивка.

Вот и помогай после этого людям.

– Третья р-р-рота! Станови-и-ись!

Зычный голос будто вдохнул в нас жизнь. Только что копошившиеся сонными муравьями юнкера подобрались, забегали – и примерно за полминуты изобразили более-менее внятное подобие шеренг. Фигуры в черных кителях будто вырастали из-под земли, множились, бегом подтягивались из дортуаров – и в конце концов замерли под грозным начальственным оком.

И грозное начальственное око нашло вид первокурсников сносным. В меру лихим, бестолковым и заспанным. Ротный

не стал затягивать ни сам утренний смотр, ни речь. Только вкратце рассказал про распорядок дня, занятие на сегодняшний день – и отпустил к чаю. На который нас повел в столовую наконец-таки восставший из постели Подольский. Богданов «дядька» сонно потягивался, пару раз украдкой зевнул на ходу – но свои обязанности исполнял неукоснительно.

Самым большим для меня удивлением стало, что в семь утра всем воспитанникам училища полагался не полноценный завтрак, к которому меня приучила Арина Степановна, а скорее что-то вроде легкого перекуса. Кружка крепкого чая, кусок рафинада, пара подсохших галет – и все. Некоторые, впрочем, и на получасовой трапезе умудрялись устраивать самое настоящее пиршество. И почему-то скорее это касалось второгодок и первокурсников, которым посчастливилось прихватить из дома конфет или печенья. «Господа подпоручики» почти ничего не ели – были слишком увлечены цуком, на который не обращал внимания даже старший дежурный офицер.

Традиция есть традиция.

Дожевывая галету, я краем глаза увидел, как мой вчерашний знакомец – похожий на Воронцова его сиятельство князь Куракин – уже направился было к Артему... но так и не дошел. Один из товарищей поймал его за руку, шепнул что-то на ухо – и все четверо тут же развернулись и зашагали в другую сторону, напустив на лица столько презрения, что чай у меня в кружке едва не покрылся льдом.

Устав надежно защищал «красного» юнкера от цука – но и последствия не заставили себя ждать. Прямо на моих глазах сидевшие рядом с Артемом первокурсники сначала отодвинулись на лавках – а потом и вовсе подхватили свои порцайки и расползлись по соседним столам.

Я поймал на себе недобрый взгляд Куракина, но на этом все и закончилось – выяснять отношения белобрысый князь явно не спешил. То ли боялся снова нарваться на сдачу, то ли...

– Выкуси, ваше сиятельство. – Богдан довольно оскалился, опуская галету в чай. – Теперь тебе, Горчаков, ни одна зараза не страшна. С таким-то дядькой...

Занятно. Похоже, слухи в училище распространялись со скоростью несущегося на всех парах «Понтиака». Или Богдан обладал какой-то особенной способностью узнавать все первым.

– Дядька как дядька. – Я пожал плечами. – Вроде нормальный... А чем он от твоего отличается?

– Так он же целый майор! – отозвался Богдан.

– Так, обожди. – Я вспомнил Ивановы унтер-офицерские погоны. – Какой же он тебе...

– Ну, в смысле – не настоящий майор, а старик. – Богдан опрокинул себе в рот остатки чая. – Так называют тех, кто на старшем курсе на два года остается. Поговаривают, Сечин то ли науку какую не сдал, то ли с замом ротного в феврале подрался – вот и загремел. Зато он тут все ходы и выходы зна-

ет. По стрельбе и рукопашному – во всем училище первый!

Понятно. Значит, «майор» – не только самый старший на курсе, но еще и оставшийся на второй год в «господах подпоручиках». Занятная личность.

– В том году так никого в племянники и не взял, хоть его молодые неделями упрашивали. Не хочу, говорит, – и все тут... А тебя вот выделил, – продолжил Богдан. – Подольский крутой, а Сечин то и покруче будет. Он же не из кадетского корпуса, не из гимназии, а прямо из полка сюда пришел! Раньше на Кавказе унтером служил на границе, чуть ли не с османами воевал... У него и медали есть. А еще...

– Горчаков?..

Я не заметил, как ротный подошел. Хотя мог бы – с приближением грозного штабс-капитана Симонова болтовня за столами вокруг стихала.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – отозвался я, вскакивая с места и вытягивая руки по швам.

– Вольно, господин юнкер. – Ротный махнул рукой. – Пройдемте за мной. К вам... посетитель.

Глава 7

– Вот ты какой... господин юнкер.

Андрей Георгиевич стоял в коридоре, подпирая стену могучей спиной, но когда мы вышли из столовой – шагнул навстречу. Ротный тут же кивнул ему, развернулся на каблуках и молча удалился. Эти двое явно понимали друг друга без лишних слов, хоть один уже давно покинул полк, а второй и вовсе расстался с военной формой много лет назад.

Вполне возможно, Андрею Георгиевичу даже не пришлось ссылаться на деда, чтобы встретиться со мной, – хватило и собственного авторитета... и звания. Штабс-капитан гвардии едва ли мог отказать в просьбе полковнику – даже если тот уже давно не носил погон.

– Здравствуйте... – проговорил я, протягивая ладонь. – Вот уж не думал...

– Да чего ты тут разводишь. – Андрей Георгиевич вдруг обнял меня и хлопнул по спине огромной ручищей. – Еще бы по уставу обратился... Всего четыре дня тут, а поди – уже забыл старика?

Мы действительно не встречались уже неделю или даже две. Сначала Андрей Георгиевич куда-то исчез из Елизаветино, а потом и я перебрался в дом на Мойке – поближе к училищу. Обсудить мое зачисление в юнкера мы, конечно же, успели, но в форме он меня еще не видел.

И это, видимо, и растрогало старого безопасника. Да так, что я заметил в его единственном глазу что-то отдаленно похожее на слезу.

– Вас забудешь, Андрей Георгиевич. – Я осторожно вернулся из медвежьей хватки. – Да и прошло-то всего... Только вчера под ночь заселили.

– И как тебе? С сослуживцами общий язык нашел? – спросил безопасник.

И вдруг хлопнул себя по лбу.

– Тьфу ты... Совсем уже без памяти стал, старый. – Андрей Георгиевич взял меня под руку и потянул к лестнице. – Пойдем! По пути как раз все и расскажешь.

– Как – пойдем? – не понял я. – Так мне сейчас же в классы, на занятия, до сигнала...

– Отставить классы. – Андрей Георгиевич неторопливо зашагал по коридору. – Дед сказал тебя в Елизаветино отвезти. До вечера, стало быть.

Ничего себе.

– А как же... ротный? – Я на всякий случай даже оглянулся. – Симонов...

– Ротный в курсе. Я передал ему дедушкину просьбу, – отозвался Андрей Георгиевич. – Так что на сегодня ты от занятий освобождаешься. Идем.

Такая вот просьба. И попробуй, что называется, откажи. Я представления не имел, зачем вдруг понадобился деду в родовом гнезде Горчаковых. В конце концов, с упрямого стар-

да бы случилось забрать меня домой из чистой вредности. Государыня императрица могла убедить его зачислить меня в военное училище... но не держать меня там все три курса – как полагается.

Нет, едва ли – слишком уж дед сам напирал на то, что немного дисциплины нерадивому отпрыску рода Горчаковых не повредит. И я еду домой только до вечера. А значит...

Пока мы спускались по лестнице, Андрей Георгиевич молчал – видимо, чтобы дать мне достаточно времени переварить занятную новость. Заговорил он, только когда я спросил, что деду вообще от меня понадобилось. И было ли оно действительно настолько важным, чтобы прогулять первый же учебный день.

– Чего не знаю – того не знаю, Саня, – честно признался Андрей Георгиевич. – Сказано было только тебя домой привезти. В целости и сохранности.

Я снова погрузился в раздумья – и безопасник мне не мешал. Прошел к выходу на первом этаже, кивнул дежурному офицеру – видимо, того уже предупредили, что один из воспитанников не вернется до вечера, – спустился по ступенькам и направился к машине.

Той самой двадцать третьей «Волге», которую я искалечил о поребрик на набережной у дома. Машина избавилась от вмятин и царапин слева и обзавелась новым лобовым стеклом вместо того, что я высадил Булавой. Обрела прежний вид и даже будто заблестела еще ярче. Ее можно было

починить, просто заменив сломанные детали новыми... в отличие от несовершенного и хрупкого человеческого тела.

За разбитую «Волгу» Андрей Георгиевич мне так ничего и не сказал.

За руль я проситься не стал, хотя скорость помогла бы разогнать некстати накатившие воспоминания. Уселся на пассажирское кресло, закрыл дверцу, щелкнул ремнем безопасности – и молчал, пока не заговорил Андрей Георгиевич.

– Ну, ты хоть Расскажи, – начал он, – как тебе жизнь живая?

Я рассказал. Почти все – умолчав только о драке с его сительством князем Куракиным. На серьезную угрозу моей драгоценной персоне четверо зарвавшихся второкурсников никак не тянули, а если узнает дед – можно ожидать чего угодно. Да и сам Андрей Георгиевич вряд ли стал бы хвалить меня за безобразие.

Даже если оно случилось по уважительной причине.

– Однако! – Дослушав меня, старый безопасник довольно ухмыльнулся. – Выходит, жива еще традиция в славной пехотной школе.

– Цук? – уточнил я. – У вас в Москве такое же было?

– В Москве и не такое было... всякое. – Андрей Георгиевич покачал головой. – Только у нас молодых не сугубцами называли, а фараонами.

– Фараонами? – хихикнул я.

– Ага. Или козликами. – Андрей Георгиевич крутанул руль, сворачивая к мосту. – Так, говоришь, дядька у тебя толковый?

– Да вроде. – Я вспомнил немногословного и сосредоточенного Ивана. – Говорят, он из войсковых унтеров в юнкерское поступал.

– Немного таких. Значит, толковый офицер будет, правильный. – В голосе Андрея Георгиевича зазвучало неподдельное уважение. – Слушай его да на ус мотай. Такие армию еще получше самого ротного знают.

– Это почему?

– Симонов уже не первый год во Владимирском, – пояснил Андрей Георгиевич. – И не второй. А служба нынче быстро меняется. Я бы тебе сам чего рассказал – так уж и не вспомню толком. Давно это было, Саня...

От нахлынувших чувств голос Андрея Георгиевича дрогнул, так что снова заговорил он не сразу.

– Службу делить – это, понимаешь... самое настоящее, Саня. Такой дружбы не было у тебя – и не будет больше. Я со своим старшим из училища и дальше вместе держался. Не терялись... – вздохнул Андрей Георгиевич. – Пока не погиб он. В сорок втором году – как сейчас помню.

В то время, когда Россия уже давно не вела войн ни на своей территории, ни уж тем более на чужой. Я мог только догадываться, но что-то подсказывало: старший товарищ Андрея Георгиевича не свалился с крыши, не разбился в аварии – и

не попал в лапы дикому зверю на охоте, как отец Богдана. А погиб с оружием в руках, в бою...

В одном из тех, о которых никогда не напишут в учебниках вроде «Истории государства Российского».

Андрей Георгиевич украдкой скопился на меня – видимо, сообразил, что сболтнул лишнего. Я не стал расспрашивать, и в салоне «Волги» воцарилась тишина, разбавляемая только мерным рычанием могучего мотора. И нарушил ее безопасник, только когда мы проехали чуть ли не половину дороги.

– Такие дела, Саня... Вот уж не думал, что выйдет так. А теперь, получается, ты по моим стопам пойдешь. А не Мишка, – задумчиво произнес он.

И замолчал до самого Елизаветино.

* * *

К сараю я приближался с некоторой опаской. Одаренному князю – а теперь еще и юнкеру славного Владимирского пехотного училища – не полагается бояться ни увесистых гаечных ключей, ни их прекрасной обладательницы. И все равно я испытывал... скажем так, некоторый дискомфорт.

С Настасьей мы так и не поговорили. Сначала я не застал ее в мастерской, потом меня самого вызывали в полицию, а потом началась учебная суета: пошив формы, шагистика... Виделись раз или два, но едва успели сказать друг другу больше нескольких слов.

Точнее – я едва успел. Настасья со мной не разговаривала. Вообще, от слова совсем. Я перегнал машину на место и приказал мужикам в гараже всеми силами помогать с ремонтом. Выделил средства. Лично выписал из города новый аккумулятор, листовое железо, инструмент... не помогло. Как и остальное: упрямая девчонка вернула все подарки до одного. Конфеты, украшения, даже платье – и вряд ли из-за того, что я банально ошибся с размером.

Но цветы себе все-таки оставила. И это давало хоть какую-то надежду на мир.

И если уж дед пока не соизволил принять меня, хоть сам и вызвал сюда из города, – самое время попытаться наладить... что-то.

– Настасья Архиповна, – позвал я, вглядываясь в пыльный полумрак. – Ты здесь?

Кажется, это уже было.

– Уходи!

И это тоже.

Только на этот раз Настасья выглядела еще более грозно. И – как назло – еще соблазнительнее. Она обрезала истрепавшиеся рукава на отцовской рубаше, и теперь ничто не мешало любоваться крепкими, но изящными загорелыми плечами, чуть влажными от пота. А расстегнутые от жары верхние пуговицы на безразмерном вороте и вовсе едва не заставили меня забыть, зачем я сюда пришел.

Настасья тоже смотрела на меня – и будто не могла от-

вести взгляд. Зеленые глаза все еще недобро поблескивали, но теперь в них появилось что-то еще. Любопытство, внимание... но не только.

– Ты чего? – осторожно поинтересовался я.

– Форма... – Настасья едва слышно вздохнула. – Солдатская.

– Юнкерская, – на автомате поправил я. – Меня же в военное училище определили. Не слышала?

– Нет. – Настасья опустила глаза. – Красивый ты, благородие... Опять мучить меня пришел?

– Мучить?

– А как еще такое называется? Будто сам не понимаешь. Ты-то князь, дворянин... А я простая девка, крепостная. – В голосе Настасьи снова зазвучали агрессивные нотки. – Говори, зачем пришел, – и ступай!

Я вдруг почувствовал острое желание сгрести девчонку в охапку, стиснуть – и не отпускать. Пока не начнет себя нормально вести. А то и просто пристроить попой на капот машины. Или на верстак. Со всеми вытекающими.

Интересно, без наручников – справлюсь?

– А знаешь, кое в чем ты все-таки ошибаешься, – начал я скучающим тоном. – И начнем с того, что ты больше не крепостная.

Зашел с козырей, что называется.

– К-как это?.. – От волнения Настасья вдруг начала заикаться – прямо как Славка. – Ты откуда?..

– Твою повинность выкупили у деда, – ответил я. – И аннулировали.

– Вот как? – Настасья, похоже, сообразила, к чему я клоню. – И кто же? Ты чисто случайно не знаешь, благородие?

– Чисто случайно – знаю. – Я пожал плечами. – Я. Теперь ты свободный человек.

– Ты... Ты знаешь кто? – Настасья шагнула вперед, сжимая кулаки. – Думаешь, если благородный – то все можно?! Думаешь, я теперь должна...

– Не должна.

– Да как ты не понимаешь?! – зашипела Настасья. – Черт тебя... С чего ты вообще взял, что лучше меня знаешь?..

Вот ведь язва. Нет бы радоваться.

– Ну, может, с того, что я действительно знаю лучше тебя, – усмехнулся я. – В сарае не развернешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.